

МАРТА

КНИГИ РАКСУРА

УЭЛЛС

ЗМЕИНОЕ МОРЕ

ОТ СОЗДАТЕЛЯ
КИЛЛЕРБОТА

fanzon

Книги Раксура

Марта Уэллс
Змеиное Море

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уэллс М.

Змеиное Море / М. Уэллс — «Эксмо», 2012 — (Книги Раксура)

ISBN 978-5-04-173280-6

Крылатый оборотень Лун наконец-то нашел дом. Некогда скиталец-одиночка, ныне он консорт Нефриты, королевы-сестры двора Тумана Индиго. Вместе со своим народом они отправляются на летучих кораблях в странствие, чтобы найти для колонии раксура новый дом. Однако, прибыв к цели, прародине племени в стволе исполинского дерева, путешественники обнаруживают, что оно гниет изнутри. И это еще не всё. Пугающие находки заставляют Луна и воинов раксура отправиться на поиски сердца дерева – поиски, которые поведут их далеко-далеко, за самое Змеиное море. В этом романе-продолжении «Облачных дорог» Марта Уэллс приглашает читателей отправиться в путешествие через весь мир, разгадать загадку, ответ на которую ведет лишь к новым вопросам, и принять участие в незабываемом приключении. «...В Книгах Раксура одно из самых оригинальных, экзотических и красивых фэнтезийных построений мира, которое я когда-либо видела. Те из вас, кто жалуется, что в фэнтези нет ничего нового, прочтите это. Здесь правдоподобная экология и биология смешаны с магией таким образом, что кажется почти научно-фантастическим. Здесь созданы волшебные расы, нарисованные с правдоподобной сложностью – никакой той эссенциалистской ерунды "всегда хаотичное зло", которую мы так привыкли видеть в фэнтези, и много разнообразия, истории и тайны». – Н.К. Джемесин «Здесь столько всего интересного: множество разумных видов, уживающихся (или НЕ уживающихся) в одном мире, их сложные гендерные роли, невообразимо отличающиеся друг от друга общества и различные технологии. Это – строгое фэнтези, не ряженное в одежды европейского Средневековья. И, самое главное, это захватывающее повествование». – Стивен Гулд «Продолжение „Облачных дорог” Уэллс – это ловкий мировоззренческий трюк, расширяющий мифы о раксура и включающий в себя совершенно новую цивилизацию: город, построенный на спине гигантского зверя, полный могущественных колдунов, население которого

считает раксуря монстрами». – Publishers Weekly «...будоражащая история о потерявшемся мальчике, который находит дорогу домой и узнаёт, что ему предстоит помочь другим спасти мир. Динамичные боевые сцены отлично контрастируют с эмоциональным взрослением Луна и зарождающимися в нем романтическими чувствами. Фанаты жанра, ищущие что-нибудь отличное от других его произведений, найдут в этом романе именно то, что ищут». – SchoolLibraryJournalBlog

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-173280-6

© Уэллс М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Марта Уэллс Змеиное Море

© В.С. Юрасова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Джанне Сильверштейн

Глава 1

Лун пробыл консортом Нефриты – королевы-сестры Тумана Индиго – уже одиннадцать дней, и за это время никто не пытался его убить. Он считал, что пока все идет неплохо.

На двенадцатый день, когда Лун вышел на палубу «Валендеры», рассветные лучи солнца только начинали пробиваться сквозь облака. Воздух был влажным, приятно прохладным, и его наполняли запахи дремучего зеленого леса, над которым пролетал корабль. Время было совсем раннее, и палубу все еще занимали спящие, зарывшиеся под одеяла или привалившиеся к корзинам и сумкам, в которых хранились все пожитки двора. Ближе к носу, где стояли часовые, кто-то ворочался. Похожие на веера паруса на центральной мачте еще были сложены. Второй корабль, «Индала», парил чуть впереди по правому борту, задавая им скорость движения.

Лун услышал, как кто-то, спотыкаясь, поднимается по узкой лестнице из трюма. Затем из люка вылез Звон. Он прищурился, глядя на рассветное небо, и сказал:

– О, замечательно. Еще один чудесный день, который мы проведем на этом летучем орудии пыток.

Лун уже много дней выслушивал одно и то же в различных вариациях. Раксура не были приспособлены к жизни на летучих кораблях – это уже все поняли, – но другого способа переместить весь двор в новую колонию просто не существовало.

Двор Тумана Индиго начал приходить в упадок задолго до появления Луна. Они пережили вспышки болезней, нападения хищников и пагубное влияние Сквернов, из-за которого у них стало рождаться меньше воинов. Когда Скверны напали и вынудили двор наконец оставить свою старую колонию, среди них оказалось недостаточно окрыленных, чтобы переместить остальных обычным способом. Все понимали, что им повезло, когда они смогли уговорить семью исследователей с Золотых островов позволить им за плату воспользоваться двумя летучими кораблями. Но несмотря на то что «Валендера» была больше двухсот шагов в длину, а «Индала» – ненамного меньше, места все равно хватало лишь для того, чтобы спать или сидеть. Хуже всего приходилось бескрылым арборам, привыкшим проводить дни на охоте, или ухаживая за садами, или занимаясь резьбой, плетением или кузнечным делом. Окрыленные, когда им надоедала теснота, всегда могли подняться в воздух и полетать.

Лун сказал:

– Ты хочешь, чтобы я тебе что-то ответил, или мне просто постоять рядом?

– Ну да, да, я знаю, знаю. – Звон потер глаза и сердито уставился на светлеющее небо. Лун и Звон – оба были окрыленными раксура, но Звон был воином, а Лун – консортом. В земном облике они мало чем отличались: оба высокие и худые, оба с темно-бронзовой кожей, такой же, как у многих других раксура. У Луна были темные волосы и зеленые глаза, и он привык жить среди земных обитателей, притворяясь одним из них. Волосы Звона были мягкими, соломенного цвета, и ему никогда не приходилось жить за пределами сплоченного двора, хотя и у него имелась своя необычная проблема. Он прибавил: – Я просто жду не дождусь, когда мы доберемся до Пределов. Я прочел все старые летописи, но увидеть их своими глазами... Утес говорит, что мы уже почти на месте.

Утес уже три дня говорил, что они почти на месте, но представления Утеса о «почти» разительно отличались от представлений всех остальных. Лун лишь приподнял бровь. Звон вздохнул и сказал:

– Да знаю я, знаю.

Какое-то время они просто стояли. Звон продолжал ворчать себе под нос, а Лун наслаждался предрассветной тишиной. Все раксуря, когда переставали жаловаться на условия жизни на кораблях, говорили лишь об одном – как они рады, что скоро окажутся в новой колонии. Дворы переезжали нечасто; Утес был единственным, кто помнил, как Туман Индиго переезжал в последний раз, а было это за многие циклы до того, как родились все остальные. Но Лун, много раз переходивший на новое место, никогда прежде не думал, что останется где-либо навсегда. Это пугало его, и он не мог даже притвориться, что разделяет энтузиазм остальных.

Лун почувствовал, что за ним кто-то следит. Кто-то недружелюбный. Он посмотрел на «Индалу» и увидел Потока, Дрейфа и двух других воинов, присевших на ограждении палубы и сверливших взглядами его и Звона. Все они были в облике раксуря; зеленая чешуя Потока отражала утренний свет и сверкала голубыми отблесками. Грива шипов и гребней Потока чуть дрогнула, словно ему хотелось бросить Луну вызов.

Теперь, когда Лун стал консортом Нефриты, положению Потока в качестве любовника Жемчужины ничто не угрожало. Но это не означало, что они стали друзьями.

Вместо того чтобы зашипеть, Лун зевнул и со вкусом потянулся, пытаясь выглядеть заманчивой мишенью. Он переломал несколько костей, сражаясь со сквернорожденной королевой-полукровкой, но раксуря исцелялись быстро, и он уже почти восстановился. Впрочем, его тело все еще порой ломило, в особенности по утрам. Несколько дней назад все наставники согласились, что Лун уже достаточно поправился, чтобы встать с постели, и вернули ему одежду. Темная рубаша и штаны, которые он получил, когда впервые пришел в колонию, чуть пообтрепались, но были выстираны от грязи и засохшей крови. С тех пор он уже несколько раз перевоплощался и немного полетал вокруг кораблей, но сильно себя не нагружал. А драка с Потоксом, в ходе которой он избил бы воина до бесчувствия и вышвырнул бы его с «Индалы», могла стать хорошей проверкой того, насколько Лун действительно здоров.

Но Поток не поддался, а лишь презрительно махнул хвостом и отвел взгляд.

– На что это они там смотрят? – сказал Звон, но его взгляд был направлен на нос «Валендеры», и он не заметил Потока с его прихвостнями. В середине корабля Крестец – глава касты охотников – и несколько других арборов стояли у борта и смотрели на что-то внизу. Звон стал пробираться по палубе, обходя спящих. Лун был рад отвлечься хоть на что-то и пошел за ним.

В земном облике все арборы были ниже окрыленных и крепче сложены. Крестец, несмотря на свой возраст, заметный по седым волосами и пепельному оттенку бронзовой кожи, все еще был мускулист и очень силен. Его шею окольцовывал старый бугристый шрам от зубов какой-то твари, чуть не откусившей ему голову.

Лун облокотился на борт рядом с ним. Все арборы внимательно принохивались к воздуху.

– Что такое?

Крестец подтолкнул его локтем и указал.

– Вон там.

Они несколько дней летели над лесом, который становился все гуще и гуще. Все это время зеленые волны крон вздымались и опадали примерно в пятидесяти шагах под деревянными корпусами кораблей. Теперь же за мягко раскачивающимися верхушками перистых деревьев показалось обширное неглубокое озеро. Там паслось большое стадо мохнатых травоедов; они ели водоросли и цветущие растения, которые росли в воде. В животе у Луна заурчало – по пути им иногда удавалось поохотиться, но большую часть путешествия они питались таявшими запасами соленого мяса, сушеных фруктов и чахлах корешков. И Луну казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как он в последний раз охотился.

Уголки поджатых губ Крестца приподнялись в улыбке.

– Думаю, никто не откажется от свежего мяса.

Кто-то из арборов усмехнулся – Крестец явно преуменьшил.

Лун ухватился за борт, подтянулся и присел на нем.

– Скажи остальным, – сказал он. Прыгнув в сторону от корабля, он в воздухе принял облик раксур и поймал крыльями ветер.

Лун медленно облетел озеро по кругу, играючи перенаправляя прохладный утренний ветер вдоль своих крыльев. Он разминал мышцы, желая убедиться, что достаточно здоров и может спикировать вниз и нырнуть. Лун не хотел первым обрушиться на стадо и решил оставить это право кому-нибудь другому.

Когда Лун в последний раз жил с себе подобными, он был еще ребенком, причем таким маленьким, что даже не знал, как назывался его народ и откуда они пришли. Лишь спустя множество лет скитаний по Трем Мирам Лун впервые оказался в обществе других оборотней. Он ничего не знал о раксуре, не знал, что он был консортом – единственным плодовитым мужчиной среди окрыленных, рожденным, чтобы найти себе королеву и вместе с ней производить на свет королевские выводки и бесплодных воинов ради процветания двора. Он долгое время странствовал от одного поселения земных обитателей к другому, старался ужиться с ними и найти место, где он смог бы осесть на всю жизнь. Но теперь ему предстояло попытаться влиться в общество себе подобных, где ему была отведена важная роль... и это пугало его. В глубине души Лун боялся, что он снова все испортит и двор решит изгнать его. И ведь он не просто так об этом думал – его уже изгоняли из множества разных мест по самым разным причинам.

К тому времени как Лун во второй раз облетел озеро, остальные, по-видимому, приняли решение остановиться и устроить полноценную охоту. Две лодки замедлились, почти замерев в воздухе, а затем сбросили швартовы. Арборы спустились вниз, чтобы привязать их к высоким перистым деревьям. Все окрыленные воспользовались возможностью прыгнуть с кораблей и пролететь над озером.

Обычно окрыленные, если они не улетали в путешествие далеко от колонии, не охотились сами – этим занимались охотники-арборы. Однако, судя по энтузиазму остальных, этот переезд точно считался путешествием вдаль от колонии. Окрыленные облетели озеро, сверкая голубой, зеленой, золотистой, коричневой и медно-красной чешуей. У всех на руках и ногах были когти, которые втягивались внутрь, длинные хвосты с плоской лопаткой на конце и гривы с шипами и гребнями, доходившие им до спины. У одного лишь Луна чешуя была черной – а такой она могла быть только у консортов, – но в утреннем свете на ней сверкали бронзовые отблески.

В обличье раксур арборы выглядели совсем как окрыленные, с одной лишь разницей – у них не было крыльев. Они спустились с кораблей по веревочным лестницам, чтобы разделить добычу на поросшем травой берегу озера. Обычно этим занимались охотники, но Лун видел, что к ним присоединились и арборы из других каст: учителя, солдаты и даже парочка молодых наставников – Душа и Толк – с радостью принялись за дело. Это лишь в очередной раз говорило о том, как сильно всех утомили долгое путешествие и теснота.

Еще один отряд арборов отправился за травоедами, сбежавшими под укрытие деревьев, а те, кто помоложе, стали копать на мелководье, выискивая съедобные корешки. Хорошо, что всю работу можно было проделать на земле: в самом начале путешествия Ниран – земной обитатель, семье которого принадлежали оба летучих корабля, – категорически запретил им разделять добычу на палубах. Лун понимал, почему почти все деревянные части судов – от рей, бортов и до мачт – теперь были покрыты следами когтей, и их рано или поздно пришлось бы заново шкурить.

Три воина заложили вираж и спикировали на стадо. Охота началась. Лун нашел Звона, совсем недавно начавшего охотиться самостоятельно, и проследил, чтобы тот успешно схватил первое животное. Затем Лун поймал небольшого травоеда для себя. Как и остальные окрыленные, они оттащили добычу в тростники, чтобы сразу же съесть, а потом поймать еще по

одному травоеду – для двора. В тростниках они встретили Песню – молодую воительницу с медной чешуей. Она уже поела свою добычу.

– Это была замечательная идея, – сказала она, проглотив кусок и сразу же откусывая следующий.

Закончив есть, Лун оставил Звона с Песней и заплыл подальше в озеро, чтобы смыть кровь с чешуи. Затем он поймал второго травоеда, намереваясь принести его арборам. Вытащив тушу на отмель, чтобы обескровить ее, он оглядел небо, проверяя, где остальные. Почти все окрыленные уже закончили охотиться, хотя Звон и еще несколько воинов до сих пор кружили над озером в поисках удобной добычи. Все стадо уже разбежалось – часть животных ускакала на другой конец берега, а часть – в лес.

Заметив ярко-голубой росчерк, Лун поднял глаза. Он думал, что это Звон спикировал на какое-нибудь животное, но это оказался не он. На отмель, выгнув крылья, опустилась Нефрита.

Она была королевой-сестрой Тумана Индиго и, как и все королевы раксур, не могла превращаться в земную обитательницу. Перевоплощаясь из крылатого облика в бескрылый, она становилась больше похожа на арбору. Чешуя Нефриты была голубой с серебристо-серым паутинчатым узором. Гребни и шипы на ее голове складывались в пышную гриву, доходившую ей до самого хвоста.

Нефрита легко приземлилась, зарывшись когтями в песок. Сложив крылья, она направилась к Луну, пробираясь через лилии. Он изменил свой облик, хотя все еще стоял в воде и промочил штаны ниже коленей. Кожа его земного облика была чувствительнее, и ему нравилось касаться ею чешуи Нефриты.

Она обняла его за талию, и Лун расслабился, прижавшись к ней. Нефрита несильно куснула его за шею в ласковом приветствии и спросила:

– Тебе было не больно летать?

– Нет, плечо уже срослось. – Его мышцы, ослабшие от бездействия, немного ныли от того, что он наконец заставил их хорошенько поработать, но боль была приятной. Он уткнулся лицом ей в шею. – Спина тоже в порядке.

– Хотелось бы мне проверить это самой, – с теплотой в голосе проурчала Нефрита и прижалась щекой к его щеке. – Но у нас недостаточно времени.

Поросший мягкой травой берег действительно казался очень соблазнительным, но она была права – корабли должны были поскорее продолжить путь. За все время, проведенное на борту, у них не получалось остаться наедине из-за тесноты, да и Лун все еще восстанавливался после перелома крыла. Впрочем, теперь, когда у Тумана Индиго появились приемные птенцы – королева и два консорта из разрушенного двора Медного Неба, – необходимость в том, чтобы Нефрита срочно обзавелась потомством, отпала.

Песня, Корень и Звон подлетели к ним, закружили над их головами и прокричали, что пришло время отправляться в путь.

Позднее, вечером того же дня, Лун проснулся, когда по плоской крыше рулевой рубки «Валендеры» прошелся крепкий холодный ветер. Он принес с собой свежий запах дождя с горьким привкусом, означавшим приближение грозы и грома. От столь сильного порыва деревянное судно закричало и задрезжалось.

Лун приподнялся на локте, чтобы получше распробовать воздух. Сделать это оказалось довольно трудно – он лежал между Нефритой и Звоном, а вокруг них свернулись Песня, Корень и еще несколько воинов. Нефрита прижимала Луна к себе рукой, а ее хвост был обернут вокруг его талии. Приятно разморенный теплом нагретой солнцем деревянной крыши и лежащих рядом друзей, Лун поерзал на месте, чтобы сесть и посмотреть поверх кормы корабля. То, что он увидел, заставило его нахмуриться. «Это совсем не хорошо».

Вдалеке, над зеленым горизонтом леса, собралась плотная штормовая тьма, тянувшаяся к ним серыми росчерками облаков. За все путешествие им пришлось потерпеть несколько дождливых дней, но ни сильные ветра, ни молнии им не досаждали. Похоже, на этот раз удача отвернулась от них.

Нефрита сонно пошевелилась, разбуженная его движением. Явно не желая просыпаться, она пробормотала:

– Что такое?

Насладившись поутру добытым на охоте мясом, большая часть двора провела весь оставшийся день в дреме. Многие наелись так, что могли еще два или три дня провести без еды.

Лун сжал запястье Нефриты.

– На севере собирается буря.

– Что? – Она села, резко толкнув плечом остальных, из-за чего Корень и еще один молодой воин перекатились и свалились с крыши рубки. Нефрита увидела грозовые тучи, нахмурилась, а затем громко хлопнула рукой по деревянному настилу крыши: – Ниран! Выйди, пожалуйста.

Откуда-то снизу донесся голос Нирана:

– Ну что на этот раз? – Казалось, что Ниран зол, но это был его обычный тон. Он был отпрыском семейства с Золотых островов, которое за плату одолжило двору два летучих корабля, и единственным земным обитателем на борту. Дедушка Нирана – Делин – хотел им помочь. Ниран относился к раксура крайне недоверчиво, однако, когда Скверны заставили Делина и остальных островитян спасаться бегством, он решил остаться и попытаться спасти ценные корабли. Оказавшись в ситуации, где ему пришлось полагаться на раксура, и пройдя с ними через опасности, Ниран проникся к ним доверием, но его характер не стал от этого менее колючим.

Ниран вышел из рубки. Он был ростом с арборов, но худым, с золотистыми кожей и глазами. Его длинные прямые белые волосы были стянуты узорчатым платком и уже стали грязными. На корабле было трудно помыться, особенно тем, кто не мог просто полететь вниз и искупаться в озере. Островитянин был одет в тяжелый халат, одолженный у одного из арборов, и держал в руках керамическую кружку.

– Что на этот раз? – снова недовольно спросил он.

– Надвигается буря, – сказала ему Нефрита, указав в нужную сторону.

Ниран прищурился. Зрение земных обитателей было не таким острым, как у раксура, и он, наверное, не мог увидеть собирающиеся тучи.

– Ох, во имя Предков, этого нам только не хватало, – пробурчал он, развернулся и топтал обратно в рубку.

– Полагаю, корабли не смогут от нее оторваться, – сказала Нефрита, все еще хмурясь.

– Сомневаюсь, – сказал ей Лун. Корабли держались в воздухе и двигались вперед благодаря крошечному фрагменту небесного острова, заключенному в рулевом устройстве корабля. Он позволял им плыть по волнам некоей силы, пронизывавшей Три Мира. Они двигались с постоянной скоростью, но не очень быстро, а штормовой ветер наверняка мог разодрать паруса в клочья. Лун сел прямо и подтолкнул Звона. – Думаю, нам придется остановиться, опустить корабли и пришвартовать их к земле.

Звон вздрогнул, проснулся и сел, моргая.

– Что-что пришвартовать к... Ой! – Он со страхом уставился на приближающиеся тучи. – Это плохо. Что же нам делать?

– Не паниковать, – сказала Нефрита. Остальные уже неохотно пробудились и смотрели в сторону, откуда дул ветер. Она потыкала Песню ногой. – Песня, походи и найди Жемчужину.

Песня кивнула и поднялась на ноги. Перевоплотившись, она спрыгнула с крыши рубки, приземлилась на борт и взлетела, направившись к «Индале». Жемчужина была правящей коро-

левой и матерью Нефриты, и, хотя отношения двух королев чуть наладились, они все еще оставались напряженными. И, поскольку одну из волн этого напряжения поднял Лун, когда стал консортом Нефриты, а не Жемчужины, он только радовался тому, что старшая королева решила большую часть времени проводить на втором корабле.

– Я вовсе не паниковал, – с достоинством сказал Звон. Он подтянул ноги к груди и обнял свои колени. – Я просто никогда не любил грозы, даже в колонии. Ты знаешь, что произойдет, если в тебя попадет молния?

Нефрита не стала отвечать на его вопрос. Большинство раксур, особенно арборы, привыкли пережидать бури внутри колоний, в безопасности, а не на открытом воздухе, находясь на хрупком летучем корабле. Лун тоже был этому не рад. Во время ливней и гроз он становился дерганым. На следующий день после того, как погибла его семья, он попал в такой же шторм и, сжавшись в комок, спрятался в верхних ветвях очень невысокого дерева. Тэты все еще охотились на него, так что он не мог спуститься ниже, а буря весь день только усиливалась, словно собиралась повалить весь лес.

По крайней мере, на этот раз ему не придется пережидать шторм в одиночку.

Ниран снова вышел из рубки, переодевшись в то, что обычно носили островитяне на своих кораблях: белые штаны, доходившие до колена, и свободную рубаху, перевязанную на талии. Он поднес к глазу медную подзорную трубу и подкрутил линзы, фокусируясь на тучах. Он сказал:

– Нам нужно найти укрытие. Придется опустить корабли к земле и привязать их... Подождите, а это что?

Из серых облаков к ним направлялся темный силуэт. Лун прищурился и узнал его.

– Это Утес.

Утес был праотцом – единственным зрелым консортом в Тумане Индиго, не считая Луна, и старейшим существом, которое Лун когда-либо знал. Королевы и консорты с возрастом становились больше и сильнее, и в своем крылатом облике Утес был почти в четыре раза больше Луна.

Консорты летали быстрее всех прочих раксур, настолько быстро, что лишь королевы могли угнаться за ними. Утес приближался к ним почти на полной скорости и совсем скоро оказался у корабля. В последний момент он выгнул крылья, чтобы притормозить, а затем рухнул на палубу у кормы. Корабль просел под его весом, и Ниран ухватился за борт, чтобы не упасть, ругаясь на языке островитян.

Утес принял земной облик, и корабль выровнялся. Он ухватился за край крыши рубки и подтянулся. Оставшиеся два воина поспешно отползли в сторону и спрыгнули вниз, освобождая ему место. Он сел на деревянный настил – высокий, худой, с морщинистым, обветренным лицом, одетый в серую рубаху и штаны. Каждая его черта – его волосы, его кожа – выцвела и посерела; это всегда происходило с земными обликами старейших раксур. Единственным пятном цвета были его голубые глаза, но один из них был мутнее и затянут бельмом. Утес дернул подбородком в сторону неба.

– Уже видели?

– Да. – Нефрита уложила шипы, которые непроизвольно поднялись от стремительного приближения Утеса. – Ниран говорит, что нам придется остановиться и опустить оба корабля к земле.

– Если сможем найти землю, – вставил Звон. – Лес очень густой, и в его пологе было не так много разрывов.

– Если мы не опустим корабли, то порывы ветра наверняка их разобьют, – прибавил Ниран, явно приготовившись к спору.

Утес согласно кивнул, но сказал:

– Мы уже совсем рядом с новой колонией и должны успеть добраться до нее прежде, чем нас настигнет буря.

Звон удивленно сказал:

– Что? Правда?

Нефрита недовольно уставилась на Утеса.

– Ты уверен?

Утес пожал плечами.

– Конечно.

Нефрита раздраженно постучала когтями по крыше.

– Ты вообще собирался делиться этими сведениями с кем-нибудь еще?

– Когда-нибудь собирался. – Утес посмотрел в сторону носа корабля, на бескрайний лес, словно прикидывая расстояние. – До сегодняшнего дня я не был в этом уверен. Мы добрались быстрее, чем я думал.

Нефрита посмотрела вниз, на Нирана.

– Ну так что?

Ниран стиснул зубы, но, немного помолчав, сказал:

– Хорошо. Раз уж вы хотите рискнуть. – Затем он нехотя прибавил: – Звон прав. Лес под нами слишком плотный, и мы вряд ли найдем хорошее место для посадки. Так что нам все равно пришлось бы искать поляну.

Нефрита отпустила Луну и поднялась на ноги. Встряхнув гребнями, она приняла крылатый облик. Лун перевернулся на спину, наслаждаясь видом. Она улыбнулась, посмотрев на него.

– Я должна сообщить Жемчужине, что мы близко.

Она сразу же взмыла вверх, расправила крылья и, поймав воздушный поток, заскользила к «Индале».

– Я найду Цветику, – сказал Звон и бросил тревожный взгляд назад, на далекие тучи.

Лун растянулся на крыше, воспользовавшись тем, что остался на ней почти один. Он купался в лучах солнца, пока тучи его не затянули. Утес все еще сидел на краю крыши, с задумчивым видом глядя вдаль, на окутанный дымкой лес.

– Так как выглядит то место? – спросил его Лун.

– Как дерево.

Лун негромко выругался. Все остальные говорили ему ровно то же самое. Они с нетерпением ждали, когда окажутся там, но никто не мог точно сказать, сколько труда им придется вложить, чтобы колония стала пригодной для жизни.

– Ну и ладно, не рассказывай.

Утес усмехнулся.

– Я же тебе только что сказал. Это дерево.

Лун перевернулся на живот, положил голову на руки и притворился, что уснул: когда Утес был в таком настроении, разговаривать с ним было невозможно. Лун надеялся, что они переселятся во что-нибудь похожее на заброшенную пирамиду, в которой двор жил прежде, только в более защищенную. Он уже жил на деревьях, и это было неудобно. И хотя он видел, как быстро арборы умели сооружать временные укрытия, они бы не успели сладить их прежде, чем всех накроет ливень.

Лун слышал, как заскрипело дерево, когда Утес зашевелился и растянулся на второй половине крыши. Затем Утес сказал:

– Это исполинское дерево, место, откуда изначально пришел наш двор.

Лун чуть приоткрыл глаза и увидел, что Утес лежит на спине, прикрыв одной рукой глаза. «Исполинское дерево». Лун призадумался, ища в словах что-нибудь знакомое и надеясь, что в

его памяти что-нибудь шевельнется. Возможно, он жил в таком древе в младенчестве, но не помнил этого.

– Я не знаю, что это такое.

Утес сухо ответил:

– До захода солнца узнаешь.

Лун стоял на палубе, когда Цветика сказала Нефрите и Жемчужине:

– Мне и без прорицаний ясно, что нам нужно искать укрытие. – Она махнула рукой в сторону приближающейся бури. Цветика казалась маленькой даже по сравнению с другими арборами, ее белые волосы были, как обычно, растрепаны, а после долгого путешествия ее свободный красный халат стал еще более изношенным. Цветика была старейшей арборой при дворе, и от старости ее кожа утратила цвет, отчего она казалась гораздо более хрупкой, чем была на самом деле. А еще она возглавляла касту наставников – арборов, служивших шаманами, прорицателями и целителями. – Нам в любом случае придется спуститься под лесной полог, так что Утес прав – стоит попытаться добраться до новой колонии.

Жемчужина хлестнула хвостом, но было трудно сказать, на что именно она злилась – на бурю, на Цветику или на все сразу. Поверх ее сверкающей золотой чешуи бежал темно-синий паутинчатый узор. Ее грива была пышнее, чем у Нефриты, а на сложенных крыльях и на хвосте было больше гребешков. На голову выше любого окрыленного, она была одета в одни лишь украшения – широкое ожерелье с золотыми цепями и полированными голубыми камнями. Она сказала:

– И птенец мог бы дать мне такой совет.

Шипы Нефриты дернулись – она с трудом заставила себя промолчать. Молодая королева старалась не ссориться с Жемчужиной, и Лун надеялся, что она продержится хотя бы до тех пор, пока они не доберутся до колонии. Цветика, относившаяся к Жемчужине с гораздо большим терпением, сухо сказала:

– Значит, в следующий раз спрашивай у птенца.

Вечер был поздний, и уже наступали сумерки. Гром непрестанно грохотал, небо потемнело, затянувшись тучами, и дул холодный влажный ветер. Арборы и окрыленные в напряженном ожидании столпились на палубе; почти все были в земном облике, желая поберечь силы. Луну, поскольку он был консортом, нашлось место у самого борта. Он стоял рядом со Звоном и Набатом – главой касты солдат.

Набат почесал плечо сквозь рубаху и поморщился. Его ранили во время нападения Сквернов на колонию – нападения, в ходе которого погибли многие другие солдаты, – и теперь вся его грудь была исполосована шрамами. Он сказал:

– Надеюсь, Почка знает, что делает.

Почкой звали учительницу, которая под руководством Нирана управляла «Индалой». Звон беспокойно поежился, но сказал:

– До сих пор у нее все получалось.

– До сих пор ей не приходилось ничего делать. – Набат кисло на него посмотрел. – Только двигаться вперед и останавливаться.

Набат и Бубенчик – новый глава касты учителей – были братьями Звона по выводку. Внешне оба совсем на него не походили – в земном облике у Набата и Бубенчика были темные волосы и скорее коричневая, а не бронзовая кожа, хотя ростом братья были выше других арборов. В том, что в выводке арборов родился воин, не было ничего необычного – порой такое происходило, и наставники называли причиной этому то, что арборы на протяжении многих поколений случались с королевами и консортами. Необычно было то, что Звон родился арбором-наставником, а не окрыленным воином.

Примерно цикл назад, задолго до того, как Лун пришел ко двору, Звон перевоплотился и принял облик воина. Цветика и другие наставники считали, что виной тому было давление, которое на двор оказывали болезни и войны, а также то, что у них перестали рождаться воины. В отличие от арборов, воины были бесплодны и могли путешествовать на большие расстояния, чтобы добыть пищу. Звон пришел в ужас от такой перемены и, насколько мог судить Лун, до сих пор не смирился с ней.

– Ладно, – раздраженно сказал Звон Набату. – Оба корабля разобьются, и мы все умрем. Ты доволен?

– Тогда нам стоит сделать это поскорее, пока нас не убил шторм, – сказал ему Набат.

«Вот теперь я вижу сходство», – подумал Лун, стараясь осторожно сдержать улыбку. Только Набат был прав насчет шторма. Лун уже ощущал поблизости молнии – по его коже словно бегали разряды.

Внизу из разрыва в лесном пологе, задев крыльями ветви и листья, вылетел Утес. Он промчался мимо них, развернулся, а затем снова нырнул вниз, в тот же разрыв.

Нефрита, находившаяся на носу, крикнула Нирану:

– Нужно следовать за ним! Спускаемся!

Ниран, стоявший перед рулевой рубкой, похоже, пришел в ужас. Снова прогрехотал гром, напоминая всем, что выбора у них не было.

«Валендера» первой отправилась вниз. Осторожно лавируя, она спустилась в узкий разрыв между кронами, а арборы тем временем свешивались с борта и давали Нирану указания. Корабль миновал несколько слоев ветвей, которые поцарапали днище и борта и раскидали по всей палубе листья и обломившиеся веточки. Наконец они оказались среди зеленых теней, и ветер стих, превратившись в прохладный, влажный, сладковатый бриз. На нижних ветвях деревьев росли пышные голубые и лиловые цветы, увивавшие и их темные серые стволы. Под кронами оказалось гораздо больше места, чем думал Лун, здесь было просторно и зелено. Летучие корабли могли с легкостью здесь пройти. Ниран отправил «Валендеру» вперед на малом ходу, проплывая между стволов и освобождая место, чтобы «Индала» тоже могла спуститься к ним.

Лун перегнулся через борт, пытаясь увидеть землю, но она была в сотнях шагов под ними и терялась в тенях. Под кораблем он смог разглядеть покрытые растительностью платформы, выступавшие из деревьев и полностью окольцовывавшие стволы, соединяя их друг с другом как сетью. Многие казались достаточно большими, чтобы на них могла опуститься «Валендера». Они были похожи на связанные куски небесного острова, покрытые травой и цветами, утопающие в лианах и поддерживающие целые рощицы деревьев поменьше. Но когда корабль приблизился к одной из них, Лун увидел, что платформы представляли собой толстые ветви, сросшиеся вместе и переплетшиеся подобно широким лентам. Земля и семена, принесенные ветром, скопились на них, превратившись в плотный грунт.

Все молчали, озираясь по сторонам.

– Это исполинские деревья, – прошептал Звон, перегибаясь через борт. – А на платформах растет висячий лес. Я читал о таком давным-давно, но никогда не думал, что увижу все своими глазами.

Когда «Индала» без происшествий спустилась к ним под кроны, Ниран вышел из рубки и окинул критическим взглядом лесной полог.

– Скорее всего, мы будем в безопасности, если сможем пришвартовать корабли где-нибудь внизу.

Набат кивнул, глядя вверх.

– Вот только мы промокнем. – Высоко над ними напористый ветер гнул верхушки деревьев и рвался сквозь листву, а дождь прерывистым потоком проливался вниз.

Утес показался из верхних ветвей, спустился вниз и приземлился на палубу, подняв небольшую суматоху. Арборы и окрыленные бросились в стороны, уступая ему место, и

корабль качнулся под его весом, прежде чем он принял земной облик. Капли дождя, уже намочившие его чешую, упали на палубу, образовав вокруг него лужу, а волосы и одежда праотца промокли насквозь. Словно не замечая этого, он указал куда-то промеж гигантских деревьев.

– Нам туда.

Ниран повернулся, хмурясь.

– Далеко? Если ветер станет слишком крепким, нас может впечатать в дерево.

– Недалеко, и укрытие там лучше, чем здесь, – сказал Утес. – Но если ты считаешь, что двигаться дальше опасно, мы можем остановиться.

Ниран снова посмотрел на верхушки деревьев, прикидывая скорость ветра. Он остался не очень доволен, но все равно кивнул.

– Ну хорошо.

Утес направился к носу, где ждали Нефрита и Жемчужина. Ниран бросил задумчивый взгляд на Луна.

– Я удивлен, что он прислушивается к моим возражениям.

Утес привык принимать советы арборов, и к тому же он путешествовал дальше, чем кто-либо при дворе, и повидал больше народов, чем даже Лун. Именно Утесу в голову пришла идея отправиться к Желтому морю, чтобы нанять корабли островитян. Но Лун лишь сказал:

– Ему нравятся земные обитатели.

Скептически покачав головой, Ниран вернулся в рулевую рубку.

Когда «Валендера» снова пришла в движение, Лун отошел от борта и направился вслед за Утесом к носу, пробираясь через сборище арборов и окрыленных. Они столпились вдоль бортов, вскарабкались на мачты, забрались на все свободные возвышения, чтобы увидеть хоть что-нибудь. Страх оказаться застигнутыми бурей уступил место радостному возбуждению, предвкушению и волнению – все-таки не все были так уверены в исходе путешествия, как Утес. Лун не мог представить себе, какой нужно было обладать уверенностью, чтобы повести столько раксур так далеко и поселить их в месте, которое видел только он один. Конечно, если другим там не понравится, то возвращаться им все равно было некуда, но все же.

Нефрита стояла рядом с Цветикой, прислонившись к ограждению на носу. Жемчужина была там же вместе с Потокком, Дрейфом, Выюном, Флорой и несколькими другими воинами. Поток бросил на Луна озлобленный взгляд, но даже он был слишком захвачен происходящим, чтобы нарываться на драку.

Лун остановился рядом с Нефритой, и она рассеянно обняла его за талию. Он прислонился к ней, стараясь не испытывать смущения из-за присутствия Жемчужины.

Стало темнее, окрашенный в зеленые тона солнечный свет померк, и тучи затянули небо над деревьями. Моросивший дождь окреп и застучал по палубе. Платформы всякого леса стали шире и больше. Некоторые пересекались друг с другом или соединялись широкими ветвями, на которых собирались пруды или текли ручьи. Из дупел некоторых исполинских древ лились водопады. Лун гадал, откуда берется вода. Возможно, деревья вытягивали ее из земли при помощи корней. Казалось, что между кронами и землей, находившейся далеко-далеко внизу, повис еще один многоуровневый лес.

Затем стволы исполинских древ расступились, хотя полог сверху, казалось, стал только гуще. Лун вдруг понял, что они плывут к одиноко стоящему впереди темному силуэту – к огромному дереву.

Нефрита обернулась и посмотрела на Утеса. С напряжением в голосе она спросила:

– Это оно?

Утес кивнул. Раздался взволнованный ропот, и собравшаяся на палубе толпа всколыхнулась.

Многочисленные слои ветвей тянулись вверх подобно гигантским рукам, а ствол дерева был огромен, шире, чем основание разрушенной ступенчатой пирамиды, в которой жил двор

до этого. Из нижней части ствола выступали ярусы платформ с растительностью, и некоторые в ширину были более пяти сотен шагов. Из огромного дупла, в которое почти могла бы протиснуться «Валендера», изливался водопад. Вода стремительным потоком падала вниз и собиралась в бассейне на одной из платформ, затем лилась на следующую, и на следующую, пока не исчезала в темноте внизу.

На платформах росли только цветы, мшистая трава и одиночные маленькие деревья, но на многих были заметны следы того, что когда-то на них взращивали урожай: там находились приподнятые площадки для посадок и пересохшие водоемы и каналы, видимо предназначавшиеся для орошения.

Все молчали. Затем Жемчужина встrepенулась и уложила шипы. Она сказала:

– Утес, веди нас внутрь.

Воины отошли. Утес сделал два широких шага, ухватился за борт и перепрыгнул через него. Он перевоплотился в воздухе, и, когда распахнул крылья, его огромная туша на миг закрыла собой вид древа.

Жемчужина прошипела приказ и тоже перемахнула через ограждение. Воины последовали за ней, Вьюн задержался, чтобы взять с собой Цветику. Лун прыгнул вслед за Нефритой.

Они пролетели под несильным дождем, и Утес повел их к огромному дуплу, в которое он без труда влетел и приземлился. Праотец прошел чуть глубже, обогнул край бассейна и принял земной облик. Лун опустился рядом с ним, сложил крылья и повернулся, чтобы оглядеться. Нефрита и остальные тоже приземлились, и Вьюн поставил Цветику на ноги. Чуть погодя их догнали Звон и еще несколько окрыленных.

Это место было похоже на пещеру. Складки ствола образовывали множество закутков и комнат, уходивших вглубь настолько, что зеленовато-серый свет не мог до них дотянуться. Бассейн, частично заросший сорняками и мхом, извилистой полосой уходил в глубь зала. Вода переливалась через край, но грохот того, как она падала в водоем внизу, слышался настолько слабо, что терялся в шуме дождя. Толстые зеленые лианы увивали стены, но Лун смог разглядеть на гладком дереве резные рельефы: гибкие силуэты, когти, острые кончики крыльев, – они были похожи на изображения, украшавшие металлические сосуды и драгоценные изделия, которые создавали арборы.

Утес прошел вдоль бассейна к задней части зала. Казалось, что никто не хочет нарушить тишину. Лун оглянулся и увидел, как Поток коснулся руки Жемчужины и указал на что-то в полу. Лун посмотрел под ноги и увидел врезанные в дерево маленькие квадратики, отсвечивавшие неярким перламутровым блеском. Они были разных цветов – от белого до зеленого и розового – и поблескивали в тусклом свете. Они были выложены вдоль края бассейна и хаотично врезаны в пол.

Впереди виднелся проем, круглый и обрамленный резными изображениями. Утес прошел в него, за ним последовали Нефрита и Жемчужина, а уже потом все остальные.

Лун притормозил, чтобы принюхать, но не почувал в воздухе ничего, кроме сладковато-терпкого запаха самого дерева, землистого запаха почвы, сгнившей листвы и воды. Он напомнил себе, что – понравится ему здесь или нет – это место станет их постоянным домом. Он сделал глубокий вдох, сказал себе прекратить волноваться и пошел за остальными.

Впереди, в главном коридоре, горел свет, и Лун увидел на стене изящно изогнутый диск, по форме похожий на ракушку, вроде тех, что порой выбрасывает на берег. Диск излучал мягкий магический свет, не дававший тепла. Должно быть, Цветика по пути возобновляла чары на светильниках. Одного диска хватило, чтобы осветить коридор, который сужался до нескольких шагов в ширину и в нескольких местах дважды менял свое направление – видимо, чтобы было удобнее обороняться. Большие кетели – крупнейшие из Сквернов – не смогли бы пройти здесь, не приняв земной облик. Даже малые дакти – самые мелкие Скверны – не сумели бы прорваться сюда всем роем, а если бы и попытались, то, скорее всего, застряли бы в этих тес-

ных поворотах. Да и весь коридор можно было с легкостью перегородить или отбиваться от нападающих изнутри. А если в складках ствола были скрыты и другие выходы, то загнать обитателей древа в ловушку было почти невозможно. «И через ту крону никто не сможет пролететь, не зная, где разрывы».

В тот миг, когда Лун начал думать, что все древо внутри – это один сплошной лабиринт, коридор снова расширился, и до него донесся шум падающей воды.

Лун вышел в еще один огромный зал. Две сияющие ракушки уже светились, и Цветика как раз коснулась третьей. Ее свет разгорелся, отражаясь от стен, столь гладких, что казалось, будто они покрыты лаком. Две открытые лестницы возносились вверх по дальней стене, поддерживаемые тонкими колоннами, которые с большим отступом расположились вдоль пролетов. Пролеты пересекались крест-накрест и вели на балконы, на верхние этажи с круглыми проемами. Прямо напротив входа, под первым пересечением лестниц, находилось отверстие, откуда лилась вода, стекавшая по стене в бассейн на полу. Из бассейна не вело никаких открытых каналов, но он вполне мог быть источником воды для наружного водопада.

Остальные ходили по залу, разглядывая его и издавая негромкие возгласы. Утес сказал: – Это главный зал, для собраний и для приема гостей.

Нефрита повернулась, чтобы оглядеть его целиком.

– Этот двор, похоже, был огромен.

Звон подошел к ближайшей лестнице и с восхищением провел рукой по одной из изящных колонн.

– Они все это вырезали?

– Нет. – Утес стоял в самом центре, запрокинув голову и глядя вверх, в центральный колодец. – Арборы заставляли древо само расти вот так.

Все снова огляделись, словно пытаясь себе это представить. Цветика с сожалением и благоговением покачала головой:

– Мы многое позабыли.

Лун подошел к Утесу и поднял голову. Колодец огромной спиралью проходил сквозь древо и исчезал во тьме. Он был похож на центральный колодец ступенчатой пирамиды, в которой располагалась предыдущая колония, но был намного больше и гораздо внушительнее. Лун подумал, не из-за этого ли крошечного сходства ракура выбрали те развалины.

Утес мотнул головой в сторону лестницы, вившейся вдоль стены.

– По ней можно спуститься к яслям и опочивальням учителей. Там сможет разместиться почти весь двор, по крайней мере на эту ночь.

– Опочивален только одной касты достаточно, чтобы вместить всех нас? – пробормотал Звон. – Даже не знаю, что это значит: что наш двор слишком маленький или что этот был слишком большим.

– Наверное, и то и другое, – сказала Флора, глядя вверх, в колодец.

– Это был *наш* двор. – Утес говорил негромко, но все внезапно замерли. – Все вы произошли от ракура, которые жили здесь.

«Кроме меня», – подумал Лун. Когда Туман Индиго еще находился в маленькой колонии, он уже считал двор внушительным. Попытавшись вообразить себе это место, каким оно было, населенное сотнями ракура, он занервничал.

Снаружи до них донесся раскат грома. Лун вздрогнул, а затем уложил шипы, пока никто не заметил.

– Нужно перенести сюда остальных и пришвартовать корабли, – сказала Нефрита Жемчужине.

Жемчужина повела шипами, соглашаясь с ней. В кои-то веки она выглядела скорее воодушевленной, чем недовольной. Она повернулась к воинам.

– Возвращайтесь назад и скажите Набату и Крестцу, чтобы собрали отряд солдат и охотников – стражей и разведчиков. Пусть остальные окрыленные перенесут их сюда. Сначала нужно убедиться, что здесь не притаилось ничего опасного, а уже потом мы впустим сюда выводки и остальных арборов.

Все поспешили подчиниться.

Глава 2

Лун помог первой группе арборов перебраться с кораблей ко входу в древо. В группу входили Крестец, Набат, около сорока охотников и солдат и двое молодых наставников – Душа и Толк. Переносить их помогали все воины, так что это не заняло много времени, однако постепенно усиливавшийся дождь, бивший по крыльям, и сгущавшаяся под кроной тьма напомнили им, что времени у них немного. Другие арборы, оставшиеся на кораблях, были недовольны задержкой, но сначала нужно было убедиться в том, что в древе безопасно.

Когда все собрались в приемном зале, Жемчужина сказала им:

– Окрыленные обыщут верхние уровни, а арборы спустятся вниз. Двигайтесь быстро, убедитесь, что здесь не притаилось ничего опасного. Остановиться и поглазеть на все вокруг сможете позже. – Она кивнула Набату. – Ты останешься здесь вместе с солдатами и проверишь этот этаж.

Цветика повернулась к Толку и Душе – они оба подпрыгивали на месте, едва сдерживая свое возбуждение.

– Один из вас полетит со Звоном и зажжет светильники для окрыленных. Второй останется здесь с Набатом и осветит оставшуюся часть зала и коридоры вокруг.

– Я никогда раньше не зачаровывал ракушки. – Толк, казалось, занервничал. – Только мох и дерево.

– Научишься по ходу дела, – твердо сказал Звон и обхватил Толка за талию. Затем он прыгнул ввысь, спеша догнать остальных воинов, которые уже карабкались по центральному колодцу.

Лун зашипел от досады, разрываясь между желанием присоединиться к воинам, которые отправились наверх, и желанием быть хорошим консортом. Утес уже куда-то запропастился и не мог дать ему совет; вероятно, он хотел сам проверить это место или же просто решил предаться воспоминаниям. Не желая признаваться в неуверенности даже самому себе, Лун пошел за Нефритой, Цветикой и группой арборов вниз по лестнице, которая вела под приемный зал к опочивальням, где Утес предложил разбить лагерь на ночь.

Они спустились по изогнутой лестнице в другой огромный центральный зал с высоким куполообразным потолком и круглыми проемами, которые вели в соседние помещения. Лестницу освещал только тусклый свет, падавший сверху. Зал казался черной пропастью даже для глаз ракуры. Но из запахов здесь ощущались лишь спертый воздух и гниющая листва, и пространство казалось пустым. Лун, ища ракушки, провел руками по стене, затем поднял их выше, насколько мог дотянуться. «Земные обитатели принесли бы с собой лампу со свечой или факел», – раздраженно подумал он. Охотники спустились по ступеням и во тьме разошлись вдоль стены, помогая искать, пока кто-то не произнес:

– Нашел!

Через несколько мгновений засияла ракушка, находившаяся ниже по лестнице. Она осветила Цветику – наставнице пришлось приподняться на цыпочки, чтобы до нее дотянуться. Нефрита и охотники повернулись, чтобы оглядеть зал.

Свет расплылся по стене и по резным рельефам, которые, изгибаясь, шли по всему потолку. На них был детально изображен лес – перистые, спиральные и папоротниковые деревья, а также многие другие, названий которых Лун не знал. Ветви сплетались над их головами, а

корни спускались вниз, обрамляя круглые дверные проемы, которые вели в другие помещения. Казалось, что ракуры стояли посреди густой, защищенной рощи. Охотники издали негромкие одобрительные возгласы, и Крестец приглушенно сказал:

– Если каждый уголок этого места настолько же прекрасен...

Цветика кивнула; радость на ее лице смешивалась с восхищением.

– Если так выглядит общий зал учителей, то жду не дожусь, когда мы увидим королевский уровень.

– Его мы осмотрим позже. – Нефрита перешагнула через край лестницы и спрыгнула на пол. – Нам нужно найти все подходы к этому залу и убедиться, что мы сможем выставить охрану на ночь. – Она повернулась к Крестцу. – А еще снаружи должны быть другие входы и место, куда можно опустить корабли и разгрузить их.

– Мы все найдем, – сказал он ей и, повернувшись к ближайшему проему, сделал резкий жест рукой. Остальные охотники рассредоточились, и Цветика поспешила за ними, чтобы зажечь ракушки. Лун и Нефрита тоже последовали за охотниками, но они не торопились, а задерживались по пути, чтобы оглядеться. Другие проемы вели в многоуровневый лабиринт связанных между собой комнат, небольших лестничных клеток, уходивших наверх, и балконов, выступавших в колодцы. Большая часть этажа утопала во мраке, и без журчания воды здесь было слишком тихо и жутко. Лун попытался унять свою тревогу и вместе с Нефритой пошел по пустым помещениям.

В одной из первых комнат они обнаружили нечто, свисавшее с потолка, – огромное и деревянное, похожее на половинку скорлупы от ореха, но шириной почти в десять шагов. Оно слегка качнулось, когда Нефрита его толкнула.

– Это кровать, – удивленно сказала она. – Утес прав – думаю, они ее такой вырастили. Или сделали так, чтобы древо ее отрастило.

Лун потрогал толстый канат, поддерживавший один край кровати, и понял, что это вовсе не канат, а крепкая лиана. Она органично, безо всяких узлов, переходила в дерево. Кровати-корзины в старой колонии явно были попыткой повторить эти.

Бродя по уровню, они обнаружили больше кроватей, которые свешивались с потолка или выступали из стен. Также в гладкие деревянные полы были встроены неглубокие металлические чаши. Цветика поскребла одну и сказала, что они, скорее всего, предназначались для камней, которые наставники зачаровывали, чтобы давать тепло. Наставница прибавила:

– Надеюсь, это означает, что где-то внизу есть кухня.

– А наковальни мы привезли? – спросил Лун, вспомнив, что в старой колонии об этом немало беспокоились.

– Я улетела с Утесом прежде, чем они это решили, – сказала Цветика, рассеянно глядя по сторонам. – Ниран думал, что они провалятся прямо сквозь корпус корабля, и, возможно, он был прав.

Лун продолжал находить различные сломанные и брошенные вещи, которые рассказывали о той жизни, которая здесь раньше велась. Рассыпанные в пыли бусины, каждая в форме крошечного цветка; изогнутая деревянная расческа, у которой не хватало нескольких зубчиков; обрывок выцветшей ткани, зацепившийся за резьбу; миска, покрытая белой глазурью, отставленная в сторону и забытая.

Наконец один из охотников подозвал Нефриту, чтобы она посмотрела на второй вход на нижнем уровне. Дверной проем был большим и круглым и закрывался тяжелой деревянной сдвижной панелью, которая запиралась на засовы. Попыхтев над ними, потянув и потолкав, они смогли сдвинуть панель и обнаружили, что дверной проем выходил на широкую ветку шириной почти в сорок шагов, которая практически лежала на одной из старых садовых платформ. Арборы решили, что это хорошее место, чтобы пришвартовать два корабля, поскольку разгружать их здесь будет проще.

Лун вышел за ними из проема под дождь и пересек большую грязную площадку. Она была твердой, как земля, почти не дрожала на ветру, и ее покрывали ползучие лианы – видимо, единственные выжившие растения из тех, которые здесь когда-то сажали. Лун наблюдал за тем, как Ниран и Почка, осторожно маневрируя и часто выкрикивая указания, подвели оба корабля ближе к гигантскому стволу. По приказу Нирана арборы поспешили сбросить на толстую ветку канаты с носа и кормы обоих кораблей.

Когда арборы закончили пришвартовывать корабли, Жемчужина и несколько окрыленных вылетели из верхнего дупла и по спирали спустились к ним. Приземлившись, Жемчужина сказала Нефрите:

– Верхние уровни пусты.

Звон, чавкая ногами по грязи, подошел к Луну. Его хвост подергивался от возбуждения.

– Это лучшая колония, какую мы только могли заполучить, – сказал он. – Здесь столько места!

Крестец вышел и доложил, что он, Цветика и остальные охотники спустились почти к самым корням, на нижние жилые этажи, и не обнаружили никаких признаков крупных тварей, которые могли бы им угрожать.

– Там много грязи и жуков, а еще крошечных древесных обитателей, которые едят жуков, но больше ничего нет, – закончил Крестец. По его шипам стекали капля дождя. – В корнях и на земле, конечно, может что-то водиться, но двери внизу запечатаны, и мы не рискнули открыть их без подкрепления.

Где-то в небе сверкнула молния, и все пригнулись, поморщившись. Нефрита сказала:

– Даже если внизу находится колония гобинов, сейчас нам все равно нужно где-то укрыться.

Жемчужина не посмотрела на нее, но сказала Крестцу:

– Отзови разведчиков и скажи им, чтобы начали разгружать корабли. Пусть этой ночью все остаются на этаже учителей. Обо всем остальном будем беспокоиться завтра.

Все разошлись, чтобы исполнить приказ. Арборы начали слезать с кораблей, неся с собой тяжелые корзины и сумки. Устав чувствовать себя бесполезным, Лун запрыгнул на борт «Валендеры», чтобы помочь. Река – учительница, организовывавшая работу на палубе, – крикнула собравшейся вокруг нее группе арборов:

– Сначала возьмите припасы! Нужно отнести внутрь продовольствие и спальные принадлежности, а обо всем остальном позаботимся позже!

Лун взял корзину, которую кто-то ему передал, и, взлетев, отнес ее обратно, к проему. Приземлившись, он втащил корзину в холл, откуда его направили по коридору в большое помещение. Там временно складировались все вещи, пока арборы не решили, что с ними делать. Лун подумал, что комната слишком маленькая и не вместит даже то, что находилось только на палубах двух кораблей, однако он знал, как быстро арборы умели все организовывать и приводить в порядок, так что решил промолчать и дать им самим со всем разобраться.

Когда он вернулся в коридор, группа учителей осторожно внесла внутрь выводки и птенцов. Лун прошел мимо Бубенчика, несшего выводок из Медного Неба. Одной рукой он держал маленькую королеву Стужу, другой – консорта Шипа. Самый маленький консорт – Горький – крепко держался за шею Бубенчика, и, судя по выражению лица арбора, ему было страшно неудобно. Когда они разминулись, Стужа, обращаясь к Луну, заявила:

– Здесь темно, мокро и плохо пахнет!

С этим было трудно поспорить. Лун сказал:

– Все будет хорошо.

«Главное, себе не забывай об этом напоминать», – подумал он.

Но, спеша разгрузить «Валендеру» и «Индалу», Лун позабыл о своих опасениях. Когда остальные окрыленные вернулись, им стало легче перемещать вещи с палубы на платформу,

откуда арборы уносили их в древо. Ветер крепчал, но два корабля были привязаны к гигантской ветви настолько крепко, насколько это было возможно, и их паруса уже были сложены и закреплены. Корабли дрожали, но пока оставались на месте и не должны были пострадать.

Когда Лун поднял бочонок с палубы, мимо него с корзиной в руках прошла воительница с золотой чешуей. Он поднял глаза и увидел, кто это.

– Елея?

Елея была сестрой Нефриты, родившейся с ней в одном выводке. Она оставалась на «Индале», и, хотя Лун о ней спрашивал, у него не получилось повидаться с ней во время путешествия. Она вздрогнула и помедлила, словно собираясь что-то сказать. Но в тот же миг сильный порыв ветра сорвал одного молодого воина с борта и швырнул его на Луна. Лун выпустил из рук бочонок, чтобы поймать воина, но, когда он поставил юношу на ноги, Елея уже ушла. Лун снова поднял бочонок, решив ее пока не преследовать. Он все равно не знал, что ей сказать.

Они успели снять все с палуб обоих кораблей и перенести часть содержимого трюма «Валендеры», когда дождь из надоедливой помехи вдруг превратился в сильнейший ливень. Ветер все крепчал, под его натиском начали раскачиваться ветви деревьев поменьше, и становилось все темнее – подступала ночь.

Порыв ветра сбросил с борта еще одного окрыленного, и арборы поменьше начали увязать в грязи. Лун подумал, что пора бы прекратить разгрузку на ночь. Еще не хватало, чтобы какого-нибудь арбора смыло с платформы или чтобы окрыленный врезался в ствол. Он поймал Песню и сказал ей, чтобы она направила всех остальных внутрь. Затем он согнал последних арборов с «Индалы» и, прорвавшись через ветер, перелетел на палубу «Валендеры».

По ней сновали арборы, помогавшие Нирану закрыть и надежно задраить люки, чтобы корабль не наполнился водой. Лун нашел Бусинку, которая разбирала последний навес из парусины, и помог ей сложить его.

– Нужно уходить внутрь. Здесь становится слишком опасно, – сказал он ей.

Бусинка рассеянно кивнула. С ее головы по гребням стекали ручейки воды, и она дрожала от усталости.

– Мы забрали все, что было на палубах, и все запасы продовольствия. Думаю, остальное можно пока оставить.

– Хорошо. – Лун увидел Флору и Корня, сидевших на ветви, и махнул им, подзывая к себе. Когда они опустились на палубу, он передал свернутую парусину Корню, а Бусинку – Флоре и сказал:

– Проследите, чтобы она попала внутрь. И скажите остальным, что на сегодня мы закончили.

Флора подхватила Бусинку и взмыла вверх, вернувшись на ветвь. Корень сказал:

– Знаешь, консорты вообще-то не должны этим заниматься, если только они не праотцы вроде Утеса.

Лун, собиравшийся от него отвернуться, помедлил и тяжело посмотрел на воина сверху вниз.

Корень попятился и, оправдываясь, сказал:

– Мне так всегда говорили.

Лун приподнял шипы.

– Быстро вернулся в древо.

Корень послушался.

Лун стремительно пересек палубу, поймал нескольких задержавшихся на ней арборов и окрыленных и отправил их вслед за остальными. Увы, Корень, вероятно, был прав. Но Лун провел большую часть жизни, скитаясь от городов к поселениям и лагерям земных обитателей, и одним из лучших способов быть принятым среди них было присоединиться к всеобщей

работе. В маленьких поселениях это иногда требовалось даже от путников, желавших остаться хотя бы на несколько дней. И ему с трудом верилось в то, что настоящий консорт, выросший при дворе, просто стоял бы и бездельничал, пока остальные напряженно трудятся. «Можно спросить Утеса, Нефриту или Цветику, – подумал он. – Но они могут тебе ответить». И ответ мог ему не понравиться. Лун не представлял, что будет делать, если Нефрита скажет ему просто сидеть в сторонке и наблюдать. «Разве что умру от скуки и досады». Нет, уж лучше было продолжать притворяться, что он просто не знаком с их порядками – по крайней мере, пока. Он надеялся, что сможет долго поддерживать эту видимость.

Лун нашел Почку и Нирана на носу. Они ругались. Точнее, ему казалось, что они ругаются, но дождь лил так сильно, что они, возможно, кричали просто для того, чтобы услышать друг друга. Лун привлек их внимание тем, что поднял и расправил крылья, закрыв их от ливня. Почка повернулась к нему и бессильно махнула рукой.

– Ниран считает, что должен остаться здесь на ночь!

Луну следовало это предвидеть. Упрямство перед лицом неумолимой действительности было отличительной чертой Нирана, и островитянин был полон решимости вернуть оба корабля домой, его семье, в целостности и сохранности, даже если это будет стоить ему жизни. А Лун предпочитал вернуть семье Нирана самого Нирана в целостности и сохранности. Он сказал:

– Ниран, мы ничего не знаем об этом месте. Какая-нибудь тварь может забраться сюда, расколоть корабль, как орех, и съесть тебя.

С одежды Нирана текла вода, и его светлые волосы липли к голове, но Ниран помотал головой:

– Я провел множество ночей в неизведанных местах на борту этих кораблей...

– Да, вместе со своей командой. Но не один. – Лун видел, как себя повели островитяне, когда им стали угрожать Скверны. Они с готовностью бросили свои корабли, чтобы спасти команды. – Хочешь сказать, что твои дедушка и сестра сочли бы это хорошей идеей?

Ниран стиснул зубы и не стал отвечать на этот вопрос.

– Если ветер усилится...

– То ты ничего не сможешь сделать, – настаивала Почка. – Если с кораблями что-то случится, мы всегда можем возместить тебе их стоимость или починить их. *Наверное*, мы сможем их починить.

Лун подумал о том, чтобы просто схватить их обоих и втащить внутрь, но Нирана, по лицу которого стекала вода, похоже, убедили аргументы Почки. Он неохотно согласился:

– Ну хорошо.

Тем не менее Ниран и Почка все равно захотели сначала осмотреть оба корабля, но наконец оба признали, что те пришвартованы надежно. Лун подхватил Нирана и спрыгнул с палубы на травянистую платформу, теперь затопленную грязью. Он поставил островитянина на ноги, и в тот же миг Почка перемахнула через борт и приземлилась рядом с ними, разбрызгав жижу в стороны.

Чавкая грязью, они направились к пятну света, которое обозначало вход. Ниран спотыкался, сбиваемый ветром. Почка поспешила нырнуть в проход, а Лун посадил Нирана и забрался внутрь вслед за ним.

Ниран с облегченным вздохом опустился на пол, а Лун подавил в себе желание стряхнуть воду с шипов. Холл все еще был заполнен мокрыми, перемазанными грязью раксуром. Никто не принимал земной облик, поскольку так они лишь перенесли бы грязь на свою одежду. Кто-то относил последние корзины и свертки дальше по коридору.

– Все внутри! – крикнул Крестец. Он и еще двое охотников уперлись плечами в тяжелую дверь и сдвинули ее на место, закрыв холл от дождя и ветра.

Почка взяла Нирана за руку и помогла ему подняться.

– Пойдем, нужно найти Бусинку и Перца. Они должны были приготовить нам опочивальню.

– Опо-чего? – спросил Ниран, отжав воду из своей рубахи и отправившись за ней.

Кто-то сунул Луну одну из тряпок, которые передавали по рукам, и он воспользовался ею, чтобы стереть грязь с ног и когтей. Закончив, он поднял глаза и увидел, как Елея незаметно для остальных скользнула в коридор. Он бросил тряпку в кучу и пошел за ней.

Лун поймал ее на выходе из холла, в месте, где коридор разделялся на три ответвления, которые вели в разные части этажа учителей.

– Елея, куда ты идешь?

Она остановилась, неловко поведя шипами.

– Иду искать место, где можно поспать. – Три воина помоложе проскочили мимо, стараясь не смотреть на нее, и Елея зашипела. – Мне надоело чувствовать себя так, словно я совершила что-то дурное.

Елея не сделала ничего дурного. Ей просто не повезло, и Скверны воспользовались ею, чтобы шпионить за колонией. Скверны умели влиять на сознание земных обитателей, заставляя их верить всему, что они говорили, и вытворять то, чего земные обитатели никогда бы не сделали, будучи в своем уме. На раксура эта способность тоже действовала, но не так эффективно. Скверны смогли заставить Елею рассказать им о планах двора, но она не помнила об этом и даже не знала, что сделала это. Лун повидал достаточно одурманенных земных обитателей и понимал, что ее вины в этом нет. Но это поставило Елею в невыгодное положение в борьбе за превосходство между фракциями воинов Жемчужины и Нефриты.

Лун сказал:

– Тогда хватит себя так вести. Не позволяй им так с собой обращаться. – Влияние Нефриты не могло защищать Елею все время. Да, Поток и его прихвостни больше не могли нападать на Елею напрямую – теперь, когда Жемчужина снова проявила интерес к делам двора, Поток совсем не хотелось, чтобы она разозлилась и вмешалась. Но он мог попортить Елее жизнь, зная, что так он причинит боль и Нефрите. Да и Елея просто не заслуживала такого отношения. – Твое место – рядом с Нефритой.

Елея помедлила, явно терзаясь. Но она сказала:

– Я... подумаю об этом, – и отвернулась.

Лун заколебался, отчасти желая пойти за ней, но он не знал, чем еще ее убедить. Он свернул в коридор, который вел в общий зал учителей.

На этот раз, когда он проходил через опочивальни, они уже не казались жуткими и тихими. Цветика и остальные наставники возобновляли чары на всех ракушках-светильниках, какие только могли найти. Теплый свет отбрасывал на дерево красные и желтые блики, разгонял тени, и резьба на стенах становилась оттого еще рельефнее. Арборы и окрыленные были повсюду; они очищали кровати от пыли и мусора, развешивали мокрую одежду на балконах и лестницах, вытаскивали из корзин постельные принадлежности. Их голоса разносились по комнатам. Они пребывали в радостном возбуждении от того, что наконец прибыли на место и покинули тесноту кораблей.

Лун хотел проведать Горького, Стужу и Шипа и повидать другие выводки, так что он пошел на звук детских визгов и щебетания. Именно он нашел троих птенцов из Медного Неба в улье двоев, где Скверны держали их в плену, стремясь воплотить свой план по созданию новых полукровок-раксура. Лун не знал, почему выводок так к нему привязался – потому, что он спас их, или просто потому, что он был первым раксура, которого они увидели после уничтожения своей колонии. Какой бы ни была причина, теперь Стужа упрямо говорила всем, что они – выводок Луна.

В том, что Туман Индиго примет птенцов, никто не сомневался, ведь на данный момент при дворе не было других королевских выводков. Если в потомстве Луна и Нефриты не ока-

жется других королей, то Стужа вполне могла когда-нибудь возглавить этот двор. Лун знал, что никто этого не хотел, но то, что такая возможность появилась, стало для всех облегчением. И потом, должно было пройти еще по меньшей мере двадцать или тридцать циклов, прежде чем Стужа станет достаточно взрослой, чтобы считаться хотя бы королевой-сестрой, так что у него и Нефриты было полно времени, чтобы обзавестись собственными выводами.

Он нашел круглый проем, арка которого была украшена резным изображением двух малышей – арбора и окрыленного, – игравших друг с другом. Лун шагнул внутрь и оказался в большом помещении с низким потолком.

В тот миг там царил кромешный беспорядок: детишки-арборы и несколько воинов-птенцов перевозбудились и наперебой меняли обличья, а учителя пытались их успокоить и уложить спать в гнезда из одеял и подушек. Глядя на них, становилось намного заметнее, что при дворе рождалось больше арборов, чем окрыленных. Оставалось надеяться, что теперь все придет в норму, ведь двор переехал в новую колонию и освободился от влияния Сквернов, которое преследовало их множество циклов.

Обойдя помещение в поисках вывода из Медного Неба, Лун миновал целый лабиринт маленьких комнаток, выходящих в общий зал, и несколько неглубоких бассейнов с фонтанами, ныне пересохших и не работавших. В этом месте могло разместиться гораздо большее количество детей, чем то, которым мог похвастаться Туман Индиго.

– Лун, – с нотками отчаяния в голосе позвала его Кора. Ее руки были заняты рыдающим младенцем-арбором. Она кивком указала вниз – Горький в облике ракуры пытался удержать одновременно и Кору, и двух малышей арборов, которые вертелись и пытались высвободиться из его хватки. – Ты не мог бы?..

Лун присел, отцепил когти Горького от юбки Кору и начал уговаривать его отпустить малышей.

– Горький, если ты хочешь взять их на руки, то тебе придется принять другой облик, иначе ты можешь их поцарапать.

Судя по тому, что видел Лун, в столь юном возрасте арборы перевоплощались туда-сюда случайным образом, но их когти и шипы были еще мягкими. В отличие от Горького – его когти уже отвердели, и он все еще учился управляться с ними.

Горький посмотрел на Луну своими большими глазами, а затем неохотно перевоплотился. В земном облике он был худым, маленьким мальчишкой с темно-бронзовой кожей и копной темных волос, одетым в рубаху, которая была ему чересчур велика.

Лун усадил сначала Горького на ближайшую подушку, затем одного малыша-арбора ему на колени, а второго – рядом с ним. Теперь, когда когти Горького больше не цеплялись за них, они уютненько прижались к нему и приняли земной облик.

– Спасибо, – с облегчением сказала Кора. Малыш, которого она держала, тоже успокоился, засопел и вонзил коготки ей в плечо. Кора кивком указала на ближайшую кучу одеял. В ней, свернувшись, спали Стужа и Шип, оба в бескрылом облике. В одной руке мальчик сжимал хвост юной королевы. – Эти двое сразу же уснули, но Горький распереживался из-за грозы. Правда, птенчик?

Горький поднял глаза, посмотрел на нее и серьезно кивнул, продолжая крепко держать маленького арбора. Лун подозревал, что дело не в грозе. Мальчика наверняка испугала бы любая суматоха. Горький, Стужа и Шип видели, как Скверны перебили весь их двор: королей и консортов, других детей в яслях, арборов, которые за ними ухаживали, – всех, кого они знали.

Когда-то нечто подобное произошло и с Луном. Он просто этого не помнил. Он сказал Горькому:

– Я буду неподалеку. Нефрита и я совсем рядом, в центральном зале. Хорошо?

Горький снова серьезно кивнул и позволил уложить себя в гнездо вместе с малышами-арборами.

Лун вышел из яслей. Горький явно слишком хорошо помнил, что произошло с его двором. Самым ранним воспоминанием Луна было то, как он жил в лесу со Скорбью и остальными, так что он, видимо, был даже младше Горького, когда его двор уничтожили.

Пройдя по коридору, он оказался в зале учителей, где нашел Звона, Цветику и Реку. Все они были в земном облике и готовили постели. Корень и Песня тоже уже спустились сюда и рьяно сушили свою чешую. Теперь, когда ракушки-светильники проливали свет на резной лес, а вокруг все наполнилось звуками и запахом других членов двора, зал стал намного уютнее.

Лун уже достаточно обсох и потому принял земной облик и потянулся, стараясь унять боль в плече. Звон, все еще красный от возбуждения, поднял голову, посмотрел на него и сказал:

– Этой ночью Нефрита останется здесь, а Жемчужина – этажом ниже, у лестницы, вместе с несколькими воинами. Так, если что-нибудь попытается проникнуть внутрь, оно сначала наткнется на кого-нибудь из нас. Из них. Ну, ты меня понял.

– Хорошо. – Даже если в древе никто не поселился, оставалась еще вероятность того, что их присутствие привлечет хищников.

Цветика подтащила к одной из чаш-жаровен корзину и вывалила в нее груды маленьких плоских речных камушков. Присев рядом с чашей, она простерла над ней руки. Через несколько мгновений от камушков начал исходить жар. Наставница со вздохом откинулась назад и подвернула подол своего халата под ноги.

– Так-то лучше.

Река кивнула, вытащила еще одеяла и передала их Песне и Корню.

– И сырость сейчас уйдет. – Она огляделась вокруг и указала на одну из корзин. – Лун, здесь часть вещей из опочивальни Нефриты. Твои мы сложили туда же.

Насколько знал Лун, у него не было никаких вещей за исключением той одежды, что уже была на нем. Все, чем он обладал, осталось в лагере корданцев. Он подошел к корзине и открыл ее.

Сверху лежали тяжелые, подбитые пухом одеяла и подушки темно-синих оттенков и цвета морской волны, расшитые золотыми узорами. Он вынул их и отложил в сторону, решив, что на них они будут спать этой ночью. Дальше лежали несколько кожаных свертков. Заглянув в один из них, он увидел, что тот полон украшений – серебряных цепочек с вплетенными в них полированными зелеными камнями и глубоководными жемчужинами. Нефрита потратила часть украшений, которые она носила на себе, во время их путешествия на восток, заплатив ими за припасы, а оставшиеся отдала Селис за то, что та им помогла. Но, похоже, драгоценностей у нее было гораздо больше. Лун начинал понимать, что ракусы не считали богатством ни камни, ни даже крепкие цветастые ткани, которые делали арборы. Он даже точно не знал, что именно они считают богатством.

– Как много здесь украшений.

Цветика иронично ответила:

– Это мелочь в сравнении с тем, что насобирает Утес за многие годы.

– Я лишь надеюсь, что мы нашли их все. – Река вытащила чеканный медный чайник и беспомощно махнула рукой. – Он попрятал их по всей колонии. После всего, что произошло...

– Не переживай из-за этого, не сегодня. – Звон забрал у нее чайник и поставил его на горячие камни.

Ища другие постельные принадлежности, Лун отодвинул свертки в сторону. Под ними нашлось шерстяное одеяло, длинный мягкий ворс которого был окрашен в пурпурный тон заката. Оно показалось Луну знакомым. Он вытащил одеяло и увидел, что в него завернуты ножны с ножом и пояс из темной мягкой кожи с выдавленным на нем красным извилистым узором и круглой пряжкой из красного золота. Это были дары конsortу, которые Нефрита оставляла в старой колонии у опочивальни учителей, где расположился Лун. Рукоять ножа

была вырезана из рога, а клинок сделан из клыка – острого, как стекло, и крепкого, как дорогой металл. Тогда Лун не принял даров, потому что не знал, во что ввязывается, и был почти уверен, что вообще не хочет ни во что ввязываться. А теперь... «Теперь все по-другому», – напомнил он себе. К тому же он все еще очень хотел этот нож.

Он оставил его и ремень поверх драгоценностей Нефриты и кинул одеяло к остальным. Внезапно почувствовав себя неуютно, Лун огляделся, чтобы убедиться, что за ним никто не следит, особенно Утес. Затем он понял, что не видел праотца с тех пор, как они прибыли сюда.

– Где Утес?

Цветика, осторожно разворачивавшая плитку спрессованного чая, сказала:

– Он пошел наверх, чтобы осмотреть королевский уровень. Причем уже давно, – прибавила она, нахмурившись.

Звон уронил на гору одеял последнюю подушку и взволнованно поднял глаза.

– Думаешь, что-то случилось?

– Нет, просто... – Цветика помедлила. – Когда-то давно это место было его домом.

Она была права – наверное, Утес чувствовал себя странно, вернувшись сюда. Лун прикрыл корзину крышкой и сказал:

– Я его найду.

Он поднялся по лестнице в приемный зал, где солдаты разложили свои постели вокруг чаши-очага рядом с фонтаном. Толк все еще был с ними, и рядом с крупными арборами он казался совсем маленьким. Толк помахал Луну, а солдаты лишь уставились на него с настороженным любопытством.

Лун переменялся, прыгнул на стену и начал карабкаться по ней, находя в резьбе множество мест, на которые можно было опереться. Они были шершавыми от того, что множество поколений раксур вонзали в них свои когти. Лун поднимался по спиральному колодцу все выше и выше, пробираясь мимо открытых балконов и галерей.

Он услышал, как где-то далеко внизу один голос затянул песню, которая эхом разнеслась по коридорам древа. Лун поморщился. «Пожалуйста, только не сегодня». Он надеялся, что они слишком устали для общего песнопения.

На борту летучих кораблей двор пел лишь однажды, ночью, когда они пролетали над травянистой равниной. Это была поминальная песнь по погибшим членам двора и по колонии, разрушенной Сквернами. Сплетавшиеся воедино голоса звучали так низко и глубоко, были настолько пронизаны болью и утратой, что палуба «Валендеры» дрожала, резонируя с ними.

Тогда Лун ускользнул от Нефриты и отошел к рубке на палубе. Дверь была приоткрыта, и он сунул голову внутрь. Помещение освещалось зачарованным мхом, засунутым в стеклянные свечные лампы. На кровати, которая раскладывалась из одной из скамей у стены, сидел Ниран. Он сказал:

– Заходи уж, не стесняйся. Все остальные так и поступают.

Зная Нирана, Лун принял приглашение, как бы оно ни звучало. Он шагнул внутрь и сел на пол, скрестив ноги. Обычно в путешествии Ниран занимал каюту в трюме, но все помещения под палубой были заняты припасами и арборами. В центре этой каюты-рубки стоял деревянный постамент высотой до пояса, в котором находился кусок небесного острова, удерживавший корабль в воздухе и позволявший ему путешествовать по потокам силы, которая пронизывала Три Мира. Здесь же находились несколько глиняных сосудов с водой и корзины с припасами. На одной стояла керамическая миска и чашка. Рядом с Нираном на одеялах лежало несколько пачек бумаги, а на коленях он держал деревянный планшет для письма. Он сухо сказал:

– Я пишу заметки о нашем путешествии для дедушки. Он мне никогда не простит, если я этого не сделаю.

Лун прислонился спиной к стене, чтобы не напрягать больное плечо.

– Так ему будет легче смириться с тем, что он пропустил это путешествие.

– Надеюсь. – Ниран кивнул в сторону двери. – Ты не принимаешь участие в... концерте? Лун помедлил, обдумал несколько оправданий, а затем сказал:

– Я не знаю как. – Не считая глупых правил и традиций двора, всему, что Лун знал о раксуре, его научила Скорбь или он выяснил сам. Пение казалось ему чужим, и от него Луну становилось не по себе. В каком-то смысле оно пугало его так же, как связь королевы с каждым членом ее двора – связь, позволявшая ей удерживать раксур в земном облике или вовлекать их во всеобщий транс, в котором они чувствовали, словно у них одно сердце на всех. Эта сила была очень похожа на способность Сквернов одурманивать земных обитателей. В Нефрите такая способность пока никак не проявлялась – возможно, потому, что она не была правящей королевой. И Лун совсем не хотел, чтобы настало то время, когда она у нее появится.

Ниран приподнял брови и сделал пометку.

– Я иногда забываю, что ты присоединился к ним совсем недавно.

Лун тогда подумал, забудет ли когда-нибудь об этом хоть кто-то еще. «Да ты и сам напоминаешь себе об этом чаще других», – подумал он теперь. Тогда он даже не попытался запеть, а просто сбежал, чтобы спрятаться у единственного земного обитателя, который оказался рядом.

Карабкаясь по стене исполинского древа, он отменил эти неприятные мысли в сторону. Теперь они все прибыли на место, и пришло время начинать все с начала.

Приемный зал остался далеко-далеко внизу, и изгиб потолка наконец пошел вверх, образуя широкую круглую галерею. Лун забрался на нее и обнаружил, что за ней находился еще один зал.

В нем сияло несколько настенных ракушек, света которых хватало, чтобы разогнать мрак лишь отчасти. Круглые проемы вели из зала в соседние комнаты, а у стены находился пересохший фонтан, бассейн которого был пуст и порос мхом. Стена над ним была украшена резным рельефом, увидев который Лун восхищенно зашипел.

Рельеф изображал королеву величиной больше крылатого облика Утеса. Ее распростертые крылья тянулись по стенам и обхватывали весь зал, в конце концов пересекаясь кончиками. Ее резная чешуя едва заметно поблескивала в тусклом свете, и Лун, приблизившись, увидел, что чешуйки выложены полированными желтыми самоцветами.

Высоко над ее головой располагалась еще одна открытая галерея. Опочивальни по периметру этого уровня, должно быть, предназначались для правящей королевы и ее сестер, и Лун предположил, что прямо над ними располагался уровень консьертов.

Галерея находилась довольно высоко, но Лун присел, подпрыгнул, ухватился за ребристый край и, подтянувшись, забрался на нее.

По периметру открытого пространства располагались проемы, которые вели в связанные между собой комнаты. Лун принял земной облик и начал бродить по пустым помещениям, находя кровати, чаши для горячих камней и пересохшие фонтаны с бассейнами – такие глубокие и широкие, что в них можно было плавать. Он нашел пару лестниц поменьше, которые вели на этаж ниже, в опочивальни королев, а затем еще одну, которая уходила далеко вниз и, видимо, приводила к главной лестнице в центральном колодце. Где-то рядом находился выход наружу, потому что по помещениям гулял сквозняк, влажный и свежий. Если убрать и подмести, согреть комнаты камнями, пустить воду в фонтаны и выложить все мехами и дорогими тканями, то здесь стало бы до нелепости уютно. Лун не мог себе и представить, каково это – родиться в такой роскоши.

В комнате у внешней части ствола он наконец нашел Утеса. Тот стоял у большого круглого проема, который вел наружу, и смотрел в дождливую мглу. Проем закрывался тяжелой деревянной сдвижной дверью, такой же, какую они нашли у нижнего входа. Утес, должно быть, ее открыл, потревожив пыль и гниющие листья, которые теперь разлетелись по всему полу.

Лун подошел к нему. Гигантская ветвь закрывала часть обзора сверху, но из проема открывался вид на платформы далеко внизу. Сейчас они были затоплены проливным дождем.

В сумерках Лун едва мог разглядеть старые ирригационные каналы и пруды, заполнявшиеся водой и призрачным контуром очерчивавшие сады, которые были здесь когда-то.

Утес не обернулся. Как и всегда, выражение его лица оставалось непроницаемым. Он сказал:

– Ощущения... неправильные. Здесь слишком тихо.

Дождь шумел не переставая, но Утес имел в виду вовсе не это. Лун сказал:

– Внизу не тихо. – Он прислонился к стене рядом с проемом. Воздух пах дождем, черноземом и глиной. – Ты был здесь, когда они строили... то есть растили это место?

Все еще не сводя глаз с затопленных садов, Утес нахмурил брови.

– Я не настолько стар.

Послышался раскат грома, но он прозвучал не так близко, чтобы заставить Луну вздрогнуть.

– Но ты здесь жил.

– Недолго. Я был совсем мальчишкой, когда Индиго и Туман увели двор отсюда. – По его лицу было трудно понять, хорошее это воспоминание или нет. – Я был слишком юн и глуп и видел в этом только приключение.

Тогда эти комнаты были наполнены светом и жизнью, и здесь проживало так много ракусура, что им пришлось уйти в поисках более свободных земель. Было так странно видеть это место таким – темным и пустым, пропахшим лишь затхлостью и стоялой водой. Лун никогда прежде не возвращался в места, где жил раньше, – если только не считать лагерь корданцев, но там он не испытывал ничего, кроме желания поскорее уйти.

Все еще погруженный в воспоминания, Утес прибавил:

– Никто никогда не думал, что меня хоть когда-нибудь примет королева, но из всех Лазурь выбрала меня.

Лун нахмурился.

– Почему они думали, что у тебя не будет королевы?

Утес постучал себя пальцем под правым глазом с бельмом. Он сухо сказал:

– Я не родился совершенным.

Лун всегда думал, что это травма, полученная в бою, как и остальные шрамы Утеса. Он знал, что консортов часто отправляли в другие дворы – Утес, например, когда нашел Луну, пытался выпросить консорта у двора Звездного Сияния. Но, наверное, другие дворы тоже не желали принимать несовершеннолетнего консорта.

– А что делают консорты, которые остаются без королевы?

Утес какое-то время поразмышлял над этим.

– Зависит от двора. Здесь... им жилось бы неплохо. Все преимущества жизни консорта, и никаких обязанностей.

Лун все еще не определился с тем, что он думал о преимуществах и обязанностях консортов. До встречи с Нефритой он был бы рад менее запутанной жизни воина, ведь всю свою жизнь он хотел лишь найти место, где смог бы остаться. Лун и не ждал, что ему так повезет и он найдет такое место, да еще и то, где ему не приходилось скрывать свою суть. Но консорты, которых растили с мыслью о том, что они должны стать спутниками королей и производить на свет выводки, наверняка смотрели на это совсем по-другому, и Лун это понимал.

– Какая-то... бессмысленная жизнь получается.

Утес не отвел взгляд от заброшенных садов.

– Зависит от того, как ты сам ее проживешь.

Гром грянул так близко, что деревянный пол под их ногами задрожал и Лун отшатнулся от вспышки молнии.

Утес взглянул на него, приподняв бровь. Лун приготовился к тому, что он сейчас что-нибудь скажет, но Утес лишь положил руку Луну на загривок и потряхнул его – ласково, а не так, что у него клацнули зубы.

– Пойдем.

Утес поставил дверь на место, задвинул засовы, и они снова спустились вниз. Поскольку праотцу, похоже, не хотелось перевоплощаться, они пошли по длинным лестницам, минуя тихие помещения. Некоторые ракушки-светильники были зажжены и освещали балконы-опочивальни, нависавшие над круглыми колодцами, пересохшие фонтаны с бассейнами и резьбу. Там были изображения окрыленных и арборов, растений и животных, как диковинных, так и знакомых. Многие рельефы были инкрустированы полированными ракушками, блестящими камнями или прозрачными кристаллами. Пение стихло. Большинство членов двора наверняка улеглись спать.

Когда они добрались до приемного зала, Набат вместе с другими солдатами сидел у очага. Он кивнул Утесу.

– Охотники расположились у лестницы прямо под опочивальнями учителей. Жемчужина и воины там же. Нефрита под нами, рядом с яслями.

Утес задумчиво оглядел зал.

– Я вернусь позже и устроюсь на ночь здесь.

Лун заметил, как по лицу Набата промелькнуло облегчение. Единственный незапертый вход, который они пока что нашли, находился здесь, и если какой-нибудь твари не понравится их присутствие, то, скорее всего, она полезет именно сюда. А Утес станет существенным сдерживающим фактором.

Они спустились по лестнице в зал учителей. Вьюн, Флора и Песок присоединились там к остальным и, приняв земной облик, устроились на груди одеял с другой стороны зала. Корень, которому по молодости явно не хватало выдержки, уже свернулся калачиком и спал.

Песок всегда был верен Нефрите, но Луну казалось, что Вьюн и Флора были близки с Жемчужиной. Либо они переметнулись на другую сторону, либо просто пришли сюда, чтобы помочь охранять ясли и опочивальни арборов с этой стороны. Не зная, что и думать, Лун немного занервничал.

Лун сел по одну сторону очага, Утес занял противоположную и со стоном опустился на пол. Цветика налила им обоим по дымящейся чашке чая и спросила Утеса:

– Ты в порядке?

Он кисло посмотрел на нее.

– Я стар.

Цветика улыбнулась.

– Мы заметили.

Из коридора вышла Нефрита, и Звон спросил ее:

– Все устроились?

– Наконец-то да. – Нефрита потрянула гребнями на голове и перевоплотилась в арбору. – Все решили, что лучше закончить осмотр уже при дневном свете. А еще нужно отдохнуть, прежде чем мы сможем начать строить планы и спорить, где все разместить.

Песня сказала:

– Твой консорт приготовил тебе постель.

Лун, поднимавший чашку, замер, вдруг почувствовав себя неловко. Он даже не задумывался, когда готовил место для сна. Когда он и Нефрита летали вместе на восток, они делали это по очереди – пока один готовил постель, второй охотился, – и это вошло у них в привычку. На борту летучего корабля он оправлялся от травм и оставался в каюте с наставниками и Звонном, и они же за ним ухаживали. Он вдруг осознал, что не представляет, как жить с Нефритой в колонии, ведь он до сих пор продолжал сталкиваться с различными тонкостями поведения

раксура и не знал, как на них реагировать. Он заметил, что остальные смотрят на него, и заставил себя отпить чаю, сделав вид, что все в порядке.

Нефрита чуть склонила голову набок и задумчиво посмотрела на Песню. Глаза Песни расширились, и она поспешно сказала:

– Я же просто поддразнила!

– Хм-м, – сказала Нефрита. Она подошла к корзинам, открыла одну и стала в ней рыться.

Звон недовольно посмотрел на Песню, а затем повернулся к остальным, явно собираясь сменить тему.

– Сколько у нас осталось еды?

– Хватит на несколько дней, плюс осталось свежее мясо с утренней охоты, – ответила Река. – У нас еще есть примерно половина вяленого мяса, потому что окрыленные отказывались его есть. А вот сушеные фрукты, корешки, савовая мука и сушеная сава почти закончились.

Утес сказал:

– В этих местах растет много всего съедобного. Поскольку плоды уже много циклов никто не подьедал, их должно быть предостаточно.

Нефрита села рядом с Луном и наклонилась, чтобы положить что-то на пол перед ним. Вещица из красного золота блестела на дереве, отражая свет, – это был браслет, который Утес брал с собой в Звездное Сияние, дар, предназначавшийся новому консорту. Лун взял его в руки. Будучи уже чуть более знаком с творениями рук арборов, он теперь понял, что два волнистых, похожих на змей силуэта на самом деле были двумя переплетенными раксура. Он поднял глаза и увидел, что Нефрита смотрит на него, от волнения чуть морща чешуйки на лбу.

Лун надел браслет, защелкнув его чуть повыше узловой косточки на запястье. Нефрита наклонила его голову и ласково куснула за ухом.

Цветика прокашлялась и слегка улыбнулась.

– По крайней мере, дичи здесь тоже должно быть немало.

Утес поставил чашку на пол.

– Нужно будет заново обозначить нашу территорию. Думаю, я смогу найти старые границы.

Нефрита подняла голову.

– Нашу территорию? Не думаю, что нам стоит беспокоиться... – Она внимательнее посмотрела на Утеса. – Разве что здесь поблизости есть еще один двор?

– Даже несколько. Этот лес – наша родина, место, откуда произошли наши рода. Когда-то здесь повсюду были колонии. Даже чересчур много колоний. – Утес пожал плечами. – А теперь места здесь предостаточно.

Глава 3

Лун проснулся, закутанный в одеяла и согреваемый теплом лежавшей рядом Нефриты. Его внутреннее чутье, говорившее о положении солнца, подсказало, что рассвет еще не наступил. Шторм стих, и шум ветра теперь был едва различим. Он стянул одеяло чуть пониже, чтобы прилечь к воздуху.

С прошлого вечера ничего не изменилось. Все, кто устроился на ночь в зале, глубоко спали, если не считать нескольких воинов на противоположной стороне зала. Судя по негромким вздохам, они, зарывшись в одеяла, наслаждались обществом друг друга. «Какая хорошая мысль», – подумал Лун и, снова накрывшись одеялом, улегся и потерся носом о шею Нефриты.

Она обняла его за талию и прижалась к нему. Укусив его за ухо, она прошептала:

– Когда окончательно здесь устроимся, попытаемся завести выводок.

Он кивнул, потершись о ее щеку. Лун с нетерпением ждал, когда в яслях появятся детишки, рожденные от него и Нефриты. Но сначала им нужно было убедиться в том, что это место действительно столь безопасно, насколько казалось, и что двор сможет найти в окружающем лесу достаточно пищи. Выбирая постоянное место для жизни, нужно было о многом позаботиться. Он сказал:

– Стуже нужен консорт. Придется постараться. – С тех пор как Лун стал консортом Нефриты, Стужа не переставая требовала, чтобы они нашли консорта для нее, и изредка вспоминала о том, что еще нужно найти королев Шипу и Горькому.

Нефрита зашипела и горько усмехнулась.

– Я и не догадывалась, насколько несносными бывают маленькие королевы. Теперь я начинаю понимать, каково приходилось Жемчужине и Смоли, когда я была в ее возрасте.

Лун без труда представил себе Нефриту в детстве – маленькую деспотичную пташку, осложнявшую Жемчужине жизнь, но озвучивать это он не собирался. Было кое-что еще, о чем он не хотел спрашивать, но ему нужно было понять причину того неловкого момента прошлой ночью.

– Когда я приготовил тебе постель – что это значило?

На этот раз голос Нефриты прозвучал скорее недовольно, чем весело:

– Это старый обычай. Он означает, что ты хочешь провести со мной ночь. Песня просто несет глупости.

– Но я ведь правда хочу проводить с тобой ночи, – заметил он и подчеркнул сказанное, уткнувшись лицом ей в шею.

– У консортов отдельные опочивальни, – дразнящим тоном сказала Нефрита. Она притянула его поближе к себе. – Ведь их нужно оберегать и никуда не пускать без сопровождающих.

Лун впервые об этом слышал. Впрочем, неудивительно, ведь все с осторожностью намекали ему на то, что консорты его возраста – обычные консорты его возраста – должны быть робкими изнеженными созданиями, которые редко покидают пределы своих колоний.

– Так ты хочешь сказать, что Утесу и мне придется спать наверху, над уровнем королев? Потому что меня уже циклов на тридцать поздно оберегать.

Осторожно втянув когти, она потянула за шнурок на его штанах.

– Когда Шип и Горький подрастут, они выйдут из яслей и им понадобятся опочивальни. Как и любым другим консортам, которых мы к тому времени наплодим.

– Даже не знаю, как мы это сделаем, если я буду спать наверху, с Утесом...
Нефрита зарычала, перекадилась, оседлав его, и на этом разговор закончился.

Лун немного подремал и проснулся, когда Нефрита перелезла через него, выбираясь из их гнезда. Он скинул с себя одеяла и блаженно потянулся.

Звон и Река, сонные, сидели у чаши-очага и ждали, когда вскипит вода в чайнике. Цветики нигде не было видно. Нефрита стала будить воинов, просто пиная различные кучи одеял, и сказала Луну:

– Я пойду осмотрюсь, проверю, все ли в порядке.

– Я с тобой. – Лун выбрался из постели и натянул на себя одежду. Пока остальные еще вяло шатались по залу, они ушли.

Лун и Нефрита начали обход периметра их нового дома, зайдя в гостевой зал, где Набат и солдаты доложили, что все в порядке. Оглядевшись, Лун поискал взглядом Утеса. Тот все еще спал, причем в крылатом облике, свернувшись у колонн, на которые опиралась лестница, и слившись черной чешуей с резьбой.

– Как у него это получается? – спросил Лун Нефриту, когда они направились обратно в зал учителей. – Спать в крылатом облике?

Лун мог так спать, но недолго, и отдохнувшим он себя после этого не чувствовал. И он не видел, чтобы кто-то еще так делал.

Нефрита покачала головой.

– Не знаю. Это одна из тех способностей, которые приходят с возрастом.

Они прошли по наружным коридорам и обнаружили, что многие арборы уже проснулись и принялись за дело – они отскребали грязь и мох с пола и стен опочивален и пересохших бассейнов или разбирали вещи из корзин и сумок. Подходя к одной из неиспользуемых комнат, Лун почувствовал, как что-то заскрежетало под его ногами, и посмотрел вниз. Пол был покрыт черепками разбитой керамики. Он остановился, чтобы стряхнуть с ног мелкую крошку; к счастью, осколки оказались недостаточно острыми, чтобы пронзить толстый слой кожи на стопах его земного облика. Нефрита оглянулась и сказала:

– Надеюсь, они не разбили ничего ценного.

Лун заглянул в комнату. По полу было разбросано еще больше черепков, покрытых такой же голубой глазурью, что и высокие сосуды, составленные у дверного проема. У дальней стены стояли деревянные корзины, украшенные изящно вырезанными рисунками цветов и трав, и все их крышки были разломаны в щепки. Но на обломках уже собралась пыль. Лун шагнул в комнату, чтобы заглянуть в корзины, но все они оказались пусты, если не считать скопившейся в них грязи.

– Это не наши побили. Они здесь давно.

– Видимо, их разбили, когда двор уходил отсюда, – заключила Нефрита и отвернулась.

Они двинулись дальше и спустились по следующей лестнице на этаж ниже. Там они встретили Жемчужину, за которой шли Поток, Дрейф, Виток и еще несколько окрыленных, все в земном облике. Жемчужина, увидев Нефриту, повела шипами и сказала:

– Где Утес? Нам нужно многое обсудить.

Нефрита повела шипами в ответ.

– Он все еще спит в приемном зале.

Почти все воины избегали смотреть на Луну, но Поток одарил его полным презрения взглядом. Притворяясь, что не замечает его, Лун сложил руки на груди так, чтобы под задравшимся рукавом его рубахи показался золотой браслет. Поток, клокоча от ярости, отвел глаза.

Жемчужина сказала:

– Тогда ты пойдешь со мной. – Затем, словно она не могла завершить разговор на почти нейтральной ноте, она мотнула головой в сторону Луна и прибавила: – Это оставь здесь. – Она начала подниматься по лестнице, и ее воины послушно поплелись за ней.

Нефрита зашипела ей вслед, а затем повернулась к Луну.

– Иди, – сказал он ей прежде, чем она успела заговорить. Когда напали Скверны, Жемчужине пришлось включить Нефриту в правящий совет двора – точнее, того, что от него осталось. То, что она продолжала делать это и теперь, без настояния Утеса, или Цветики, или кого бы то ни было еще, видимо, было хорошим знаком.

Нефрита поколебалась, хлеща хвостом из стороны в сторону.

– Пожалуй, надо идти. – Она схватила его за рубаху, подтянула к себе и потерлась щекой о его щеку. – Я расскажу тебе, о чем мы говорили.

Нефрита шагнула назад и прыгнула на стену, а Лун пошел искать, чем бы заняться. Презрительное отношение Жемчужины задевало его не так сильно, как могло бы. Настоящий консорт, наверное, горько бы обиделся на такое оскорбление.

Хотя, наверное, в том, что он не считал себя настоящим консортом, не было ничего хорошего.

Он пошел на шум бурной деятельности и вышел к проходу, ведущему на наружную платформу, где были пришвартованы летучие корабли. Дверь была сдвинута в сторону, и Лун перевоплотился, чтобы спрыгнуть вниз, на мокрую траву. Сквозь крону проникал яркий, окрашенный в зеленые тона солнечный свет, и в воздухе, свежем от дождя, висели насыщенные запахи мокрого леса. Несколько арборов выгружали последние припасы из трюма «Индалы», а остальные тем временем топтались в грязи по платформе, ковыряясь в земле и ища корешки среди ползучих лиан. Ниран, Почка и Звон стояли на палубе «Валендеры» и, задрав головы, глядели на мачту. На вид оба корабля пережили шторм без серьезных повреждений, и Ниран наверняка испытал облегчение, убедившись в этом.

Лун увидел Цветику, стоявшую по колено в затопленной грязью траве. Здесь она была единственной арборой в земном обличье. Лун подошел к ней.

– В приемном зале сейчас собрание.

Она рассеянно кивнула.

– Я знаю. Я уже поговорила с Жемчужиной. Думаю, нам всем стоит пока пожить в покоях учителей. Двору пойдет на пользу, если мы какое-то время проживем вместе.

В старой колонии окрыленные жили рядом, но отдельно от арборов, а у охотников и солдат были свои опочивальни, не связанные с опочивальнями учителей и немногочисленных наставников. Жилые помещения древа, похоже, делились по тому же принципу. Лун выпустил когти и задумчиво потыкал ими спрятанный в траве корнеплод.

– Это ведь ненормально, да?

– Нет, но в процветающих дворах разделение на касты обычно не создает проблем. – Наклонившись, чтобы вытащить корнеплод, Цветика прибавила: – В нашей же старой колонии это только усугубило существующие. Мы отделились друг от друга, поделились на фракции, перестали понимать один другого.

Лун отчасти успел это увидеть. В старой колонии одна из охотниц сказала Луну, что ему стоит спать на верхних уровнях с окрыленными, а не внизу, в опочивальнях учителей. Поскольку к тому времени Луна уже пытались выгнать из колонии и арборы, и окрыленные, он не видел между ними особой разницы. И ему нравилась Тычинка, которая возглавляла учителей до Бубенчика. Она была одной из немногих, кто оказал Луну радушный прием. Когда Цветика остановилась и присела, чтобы осмотреть листья лианы, Лун сказал:

– На кораблях все и так жили вместе.

– Думаю, жить вместе в уюте будет полезнее. – Цветика подняла голову и посмотрела на Луну, но, судя по выражению ее лица, думала она о чем-то другом. – Посмотрим, как все сложится. Наш двор слишком много циклов провел под влиянием Сквернов.

То же самое можно было сказать и о Луне, но до недавнего времени он этого не осознавал. Да и не хотел слишком много об этом думать.

Звон слетел с палубы «Валендеры» и приземлился рядом с ними. Он сказал:

– Во время грозы ничто не пострадало. Ремонтировать придется немного, так что, думаю, скоро мы сможем отправить корабли обратно.

Они собирались одолжить Нирану команду из арборов и окрыленных, чтобы арборы помогли ему отвести корабли к Золотым островам, а затем окрыленные отнесли бы арборов обратно в колонию. Путешествие предстояло долгое, но вернуть корабли иным способом они не могли.

– Кто полетит с ним? – спросил Лун.

– Этого мы пока не решили. – Звон почесал гребни на голове. – Почка лучше остальных разбирается в том, как управлять кораблем, а Бусинка знает чуть меньше нее, но им понадобится больше окрыленных. – Он опустил глаза, и кончик его хвоста неловко дернулся. – Я сам подумываю с ними отправиться.

– Что? – Лун обескураженно уставился на него. – Зачем? – До полета к Золотым островам Звон ни разу не ночевал вдали от колонии, и Луну казалось, что ему не очень-то понравилось путешествовать.

Звон пожал плечами.

– Хочется сделать что-нибудь полезное.

Цветика задумчиво посмотрела на него, но он нарочно отвел глаза в сторону. Лун напомнил себе, что Звон улетает не навсегда.

Щелчок – один из юных охотников – выпрыгнул из дверного проема и с громким плеском приземлился в грязь. Он поспешил к ним, говоря:

– Цветика, Набат сейчас на нижних этажах и хочет что-то тебе показать.

Лун и Звон не видели ничего ниже этого этажа и потому пошли за Цветикой внутрь и вниз по лестнице. Затем Щелчок повел их в сторону от лестницы, в широкий вестибюль с высоким потолком, но Звон вдруг замер на месте и уставился на рельефное изображение, украшавшее изогнутую стену.

– Что здесь произошло?

Лун остановился, чтобы посмотреть, а Цветика и Щелчок продолжили двигаться дальше. Резьба покрывала почти всю стену; она в деталях изображала морской пейзаж с высокими каменистыми островами, вздымавшимися над океанскими волнами. Однако он весь был испещрен дырами, словно кто-то бил по нему ножом или долотом. Лун коснулся одной из дыр и почувствовал грубые отметины и занозы, оставшиеся от инструментов.

– Кто-то выковырял отсюда всю инкрустацию. – Должно быть, рельеф был украшен камнями, как и резные изображения на уровнях окрыленных.

– Такую резьбу испортили. – Звон, явно расстроенный, стряхнул щепки с одной части рельефа. – Они же переломали здесь все письмена.

Из другого прохода вышла Бусинка. Увидев, что они рассматривают резьбу, она сказала:

– Я тоже заметила. Тот, кто делал резьбу, видимо, хотел забрать инкрустацию с собой, когда двор уходил отсюда. Я восстановлю ее, когда будет возможность. У Перца есть хорошие кусочки аметиста, которые я могу отполировать и приладить сюда.

Лун коснулся неповрежденного угла, где изображались два воина, присевшие на ветке и смотревшие на пейзаж.

– Почему-то никого никогда не изображают в земном облике. – Лун заметил эту особенность еще вчера на верхних уровнях.

– Изображают, но нечасто, – признала Бусинка, рассеянно стряхивая с резных линий щепки. – По традиции королей и консORTов показывают только в крылатых обличьях. Воинов можно изобразить в земном, но они всегда обижаются. Арборы порой рисуют земные портреты друг друга, но редко.

Звон все еще был занят испорченной резьбой. Он поковырял одну из дыр когтем.

– Такое чувство, что они выбивали инкрустацию камнем.

– Должно быть, они торопились. – Мысли Бусинки, похоже, были заняты другими заботами, и ей было не до таинственно испорченной резьбы. – Ой, мы нашли внизу большую кузню; она вся выложена камнем и металлом. А еще там есть печи для керамики. Мы сможем начать работать в них, когда распакуем инструменты.

Звон отвлекся и отвернулся от резьбы.

– А еще мастерские есть?

Бусинка указала на один из коридоров.

– Огромные, вон в той стороне.

Когда они двинулись в том направлении, Лун спросил Звона:

– Как вы собираетесь искать металл в этом лесу?

– Здесь повсюду на поверхность выходят скальные породы, и в некоторых есть рудные жилы. В старых летописях есть карты, где отмечены те, что находятся на нашей территории. И мы можем торговать с другими дворами. Когда найдем их. – Звон нахмурил брови. – Если они захотят с нами торговать.

Лун пошел за Звоном вниз по лестнице, и они нашли три яруса больших просторных залов, выходящих в еще один центральный колодец. Здесь стены тоже были покрыты резьбой. Вся поверхность была занята изображениями раксур: арборами и окрыленными, королевами и консортами, – и их фигуры перемежались с незнакомыми символами, растениями и животными. Прямо над колодцем висел деревянный шар, усыпанный белыми светящимися ракушками различных форм и размеров.

– Здесь больше места, чем было у нас когда-либо, – сказал Звон, которого переполняли чувства. Его взгляд был направлен на символы, вырезанные над круглыми дверными проемами. – Для ткачества, резьбы, керамики, работы по металлу... – Он подошел к одной из комнат и замер на пороге.

Лун обошел его, шагнул внутрь и увидел Толка, нескольких охотников и учителей. Помещение было большим и уходило далеко в глубь дерева, а вдоль стен стояли книжные полки. Они доходили до самого свода потолка и были сделаны из ярко-зеленого и белого камня, похожего на полированный агат.

– А это что за место? – спросил Лун.

Звон резко повернулся, подошел к колодцу, перешагнул через край и скрылся из глаз.

Толк, сочувственно хмурясь, смотрел ему вслед. Луну он сказал:

– Это библиотека наставников.

И слишком болезненное напоминание о том, что Звон больше не был одним из них. Лун подошел к колодцу и спрыгнул на следующий ярус, а затем на следующий. Он нашел Звона в самом низу, в центральном зале, который был украшен уже не так великолепно. Звон сидел рядом с большим пересохшим бассейном, забитым мертвым мхом, скопившимся там за много циклов. Этот ярус тоже окружали дверные проемы, и, судя по разговорам арборов, которые исследовали находившиеся за ними помещения, здесь размещались кладовые.

Лун сел рядом со Звоном, свернув хвост, чтобы тот не мешал. Звон подавленно свернулся калачиком, а его шипы уныло поникли. Через некоторое время он сказал:

– У нас слишком мало книг, чтобы заполнить все эти полки. Должно быть, мы очень многое утратили.

Лун сказал:

– Может быть, они просто оставили много запасного места. – Но он подумал об испорченных книгах, которые однажды нашел на небесном острове на востоке. Когда этот огромный двор переезжал, им наверняка пришлось многое оставить или выбросить, отдавая предпочтение более важным вещам.

Звон горько и недоверчиво усмехнулся.

– Впрочем, мне-то теперь какое до этого дело? Пускай наставники об этом заботятся.

Лун не знал, что на это сказать. Звон больше не был наставником, и никто ничего не мог с этим поделать. Лун смотрел, как арборы входят и выходят из дверных проемов по периметру зала, радостно вскрикивают, найдя что-то новое, и строят планы.

– Чем ты занимался? Помимо того, что был наставником.

Наверное, ему не стоило задавать такой вопрос, но вдруг Звону нужно было поговорить об этом. Лун начинал понимать, насколько важны были арборам их творения. Двору не было никакой необходимости срочно начинать ковать оружие или другие металлические изделия, или ваять посуду, или чинить поврежденную резьбу, как того хотела Бусинка. Но им не терпелось поскорее распалить кузню, и когда они нашли печи для обжига керамики, то радовались этому не меньше, чем стаду травоедов у озера. И никто не превратил бы внутреннее убранство этого древа в живое произведение искусства, если бы им не хотелось творить так же, как Луну хотелось летать.

Звон потер глаза.

– Я рисовал. Расписывал кожаные футляры для бумаг и книг. Для этого сначала нужно пропитать кожу пастой, чтобы она стала жесткой, а потом ее можно украсить. – Он сделал резкий вдох. – Знаю, звучит не очень...

– А почему ты не можешь заниматься этим теперь? Тебе ведь не нужно быть шаманом, чтобы делать росписи. – Лун не понимал, почему Звон, потерявший одну способность, должен был отказаться от всех остальных.

Звон с досадой вздохнул.

– Я боялся попробовать. Что, если у меня не получится, как не получается исцелять, прорицать и все остальное? В улье дзеев, когда Душе не хватало сил, чтобы погрузить тебя в целительный сон, я попытался это сделать. Я думал, что, может быть, в отчаянной ситуации все получится. Но не получилось. И ты мог умереть.

Лун покачал головой.

– Тебе нужно попробовать порисовать. Тогда узнаешь, получится или нет.

Звон поморщился при мысли об этом и отвел взгляд.

– Да, поэтому-то я и не пытаюсь.

На это у Луна тоже не было ответа.

Над ними раздался голос:

– Лун? Звон? – снова показался Щелчок, свесившийся на одной руке с балкона верхнего яруса. – Цветика хочет, чтобы вы подошли и на что-то посмотрели. Мне еще нужно позвать королев и Утеса.

Ничего хорошего это не предвещало.

– Что там такое? – спросил Лун, поднимаясь на ноги.

Щелчок махнул свободной рукой.

– Никто не знает, в этом-то и беда!

Перед тем как побежать в приемный зал, Щелчок направил их по коридору, который вел к центру ствола, и дальше они нашли дорогу, идя по следу из светящихся ракушек.

Цветика и Набат стояли на пересечении двух коридоров, и поначалу Лун подумал, что темное неровное пятно на стене было чьей-то тенью. Но когда они подошли ближе, то Лун увидел, что оно больше похоже на кляксу, размазанную по древесине. Пятно тянулось от гладкого

пола до самого свода потолка. В воздухе стоял гнилостный запах, похожий на запах дерева, оставленного в воде и размякшего до трухи.

– Что это такое? – требовательно спросил Звон, подходя ближе, чтобы разглядеть пятно. – Плесень?

– Это мы и пытаемся понять, – сказал Набат, задумчиво посмотрев на него. – Охотники заметили эту штуку еще прошлой ночью, когда проверяли уровень на наличие опасностей, но они подумали, что это всего лишь мох. А сегодня я увидел такие же пятна в других внутренних коридорах.

Цветика зачаровала небольшой камушек, чтобы он засветился, и поднесла его к темной кляксе, внимательно ее изучая.

– Лун, ты когда-нибудь слышал от земных обитателей о чем-нибудь подобном? О болячке, которая убивает деревья?

– Убивает деревья? – Лун удивленно шагнул вперед. Он думал, что они нашли что-то любопытное, а не опасное. – Наше дерево?

– Боюсь, что да. – Цветика поманила его к себе. – Смотри. На поверхности древесины ничего не растет, это она сама изменила цвет.

Лун наклонился поближе. Цветика была права. На темной, похожей на губку субстанции все еще виднелись линии волокон. Он прикоснулся к ней, легонько нажал, и его коготь провалился внутрь.

– Я никогда ничего подобного не видел. – Хасси боролась с грибом в своих садах на верхушках сплетенных деревьев, но там на растениях появлялись грибы, из-за которых фрукты становились горькими. На это они были совсем не похожи.

Звон подошел к стене и осторожно потрогал испорченное дерево. Оно стало рассыпаться от его прикосновения.

– Не похоже это на болячку. Древесина как будто просто умирает сама по себе.

– Я боялась, что ты это скажешь. – Цветика шагнула назад, и на ее лице отразилась тревога. – Потому что мне тоже так кажется.

Набат поморщился и недоверчиво покачал головой.

– Но этому дереву, должно быть, несколько сотен циклов. Как же...

Лун не знал, как Набат хотел закончить свой вопрос. Возможно: «Как нам могло так сильно не повезти?» Почему Туман Индиго вернулся сюда именно тогда, когда древнее дерево начало увядать?

Лун услышал позади шаги и уловил знакомые запахи – сначала Нефриты, затем Утеса. Он поднял глаза как раз в тот миг, когда Утес вышел из-за поворота.

Реакция праотца ответила на один из вопросов. Лун уже начал было подозревать, что Утес знал об этом, когда повел двор сюда. Возможно, это место должно было стать их временной остановкой, а не постоянным домом и праотец просто не потрудился посвятить остальных в свои планы. Но, когда Утес остановился в коридоре, на лице его земного облика отразилось нескрываемое потрясение. Лун вдруг сильно пожалел, что его подозрения не оправдались. По крайней мере, тогда у Утеса мог бы найтись план, что делать дальше.

Утес коснулся ладонью стены.

– Это же сердцевина.

Нефрита обошла его и с тревогой оглядела гниль, тянущуюся по своду потолка.

– Что еще за сердцевина?

Он поморщился.

– Ядро дерева. Та его часть, которая не может умереть, потому что не растет и не меняется.

– Тогда что это такое? – Цветика указала на пятно.

Утес резко отвернулся и пошел обратно по коридору. Остальные от неожиданности замешкались, а затем поспешили догнать его.

На лестнице они прошли мимо Жемчужины и Потока, и Набат притормозил, чтобы все им объяснить. Утес ворвался в большой зал, где находились мастерские арборов. Затем он спрыгнул в колодец, принял в воздухе крылатый облик, ухватился за карниз одной из галерей и быстро начал спускаться по стене прямо вниз. Лун бросился за ним, остальные поспедали следом.

Он думал, что Утес собирается спуститься до самых корней, и оказался не готов, когда Утес вдруг перемахнул на балкон тремя ярусами ниже. Лун, чтобы затормозить, зацепился хвостом за колонну и с размаху прыгнул туда же.

Утес, подобно темному облаку, полетел по коридору в глубь помещений. Он хлестал хвостом из стороны в сторону, и Лун чуть отстал, боясь попасть под удар.

Затем Утес вдруг резко остановился перед большой нишей в стене. Лун затормозил и поспешно отошел подальше, на случай если праотец не хотел, чтобы за ним шли. Но Утес принял земной облик и шагнул к нише.

Теперь, когда огромная туша Утеса не заслоняла обзор, Лун увидел на задней стенке ниши деревянную панель, достаточно большую, чтобы за ней скрывался дверной проем. Она была украшена резным изображением ветвей с листьями и фруктами.

– Засовы сломаны, – сказал Утес и коснулся резьбы.

Когда остальные догнали их, Лун принял земной облик и подошел ближе, чтобы посмотреть. На полу у стены валялись отломанные куски панели; их словно откинули в сторону, чтобы те не мешали. Лун негромко зашипел и похолодел, кое-что осознав. «Как и резьба на лестнице. Как и разбитые сосуды и сломанные корзины». Он посмотрел на Утеса, лицо которого было неподвижно и выражало едва сдерживаемую ярость. «Кто-то побывал здесь до нас».

Позади них Жемчужина резко сказала:

– Утес, что это? Что случилось?

– Я пока не знаю. – Утес толкнул панель, она с громким скрипом распахнулась, и за ней открылся темный проход. Из него пахло спертым сладковатым воздухом. Утес зарычал и шагнул внутрь.

– Цветика, свет!

Цветика поспешила вперед, поднимая зачарованный камень, с которым она рассматривала гниющую стену. Лун шагнул в сторону, пропуская ее, и она скользнула в проем за Утесом.

Свет заполнил овальную комнату с грубыми, необработанными стенами из простого темного теплого дерева. Здесь не было даже ракушек-светильников, словно никто никогда не должен был сюда заходить. Затем Лун посмотрел на пол. Он был покрыт белыми побегами, похожими на обнаженные корни растения. Увидев в них сходство с хищными растениями, поджидающими беспечных путников, чтобы взвиться вверх и схватить их, Лун отшатнулся назад и врезался в Нефриту.

Она взяла его за плечи, отодвинула в сторону и негромко сказала:

– Утес, не молчи. Скажи нам, что случилось?

Утес зашипел и провел рукой по лицу.

– Кто-то побывал здесь и забрал семя. Оно должно было лежать здесь, в колыбели.

Лун вытянул шею, чтобы посмотреть. Посреди побегов находилось пустое пространство, круглое, размером не больше дыни. Побеги вокруг него были обрезаны, они потемнели и сгнили. Утес продолжал:

– Семя превращает обычное исполинское дерево в колонию, оно позволяет арборам управлять деревом, менять его. Без него дерево начинает гнить изнутри.

В зале повисла протяжная тишина.

«А ведь он говорил, что что-то не так», – подумал Лун. Прошлым вечером в опочивальне консо́ртов Утесу было не по себе. Но не из-за старых воспоминаний и не из-за того, что он

после стольких циклов, проведенных вдали от этого места, увидел его таким опустевшим. А потому что само древо ощущалось иначе.

Цветика негромко застонала. Поток беспокойно дернулся и посмотрел на Жемчужину. Та стояла недвижимо, как статуя. Затем Нефрита с шипением выдохнула. Она сказала:

– Ты можешь сказать, как давно его забрали?

Утес с досадой провел рукой по волосам.

– Нет. Я же не наставник.

Все посмотрели на Цветику, но она лишь беспомощно развела руками.

– Мне придется покопаться в наших летописях. Я никогда прежде не видела исполинского древа, и я не могу прорицать прошлое.

– Они не могли забрать его с собой? – снова настойчиво спросила Нефрита. – Индиго с Туманом, когда уводили отсюда двор?

– Нет. – В этом Утес, похоже, был уверен. – Семя нужно только для этого, и оно должно оставаться в древе-колонии, иначе древо погибнет. – Он пронзительно посмотрел на нее. – Оно не могло пропасть давно. Я прилетал сюда два цикла назад, чтобы убедиться, что ничего не случилось и в древе все еще можно жить. Тогда я не почувствовал, чтобы что-то было не так. И, думаю, гниение распространилось бы дальше, если бы семени не было здесь уже несколько лет.

– Может, оно и распространилось. – Звону, похоже, было не по себе. – Мы еще не посмотрели на корни.

Все уставились на него, и Поток зарычал.

– Как выглядит это семя? – спросил Лун. Все повернулись к нему, и он пояснил: – Оно покрыто драгоценными камнями или металлами? Есть хоть какая-то причина украсть его, помимо того чтобы превратить в колонию другое древо? – Он подумал, не могли ли другие ракусы забрать его, хотя смысла в этом было мало. Зачем забирать семя и растить новую колонию, когда есть уже готовое прекрасное древо, никем не занятое? Заселяйся и живи.

– Нет, оно похоже на семя, – сказал Утес. – Выглядит так, будто оно сделано из дерева.

– Но оно, должно быть, представляло собой могущественный артефакт. – Цветика закусила губу и наклонилась, чтобы потрогать один из обрезанных побегов. – У него может быть масса различных магических применений.

Лун поежился. Обитатели Золотых островов, например, использовали камни из сердца небесных островов, чтобы поднимать свои корабли в воздух. Мысль была неприятной. Если кто-то украл семя из-за магических свойств, его могли разрезать на части, уничтожить, сделать с ним все что угодно.

– Возможно, они украли что-то еще. – Звон повернулся к остальным. – Мы видели резьбу, которую повредили, когда выковыривали из нее инкрустацию. Кто бы это ни сделал, должно быть, шел тем путем.

Нефрита мрачно кивнула.

– Мы видели и другие вещи, разбитые и сломанные странным образом. Словно кто-то что-то искал.

Лун прибавил:

– Они не добрались до уровней окрыленных. Там в рельефах все камни на месте. – Вокруг главной лестницы все было украшено инкрустацией, воры никак не могли ее не заметить.

Глаза Утеса сузились.

– Если от тех, кто был здесь, осталось что-то еще...

Жемчужина внезапно зарычала, выйдя из себя, и рык эхом отразился от стен. Все, кроме Утеса, вздрогнули, и даже он оскалился. Не переставая рычать, королева сказала:

– Эти воры оставили след! Найдите его!

Следы были старыми, и прошлой ночью охотники искали испражнения хищников и признаки тех, кто мог недавно поселиться здесь, а не следы непрошенных гостей, обыскавших

древо когда-то в течение последних двух циклов. Однако теперь, когда они знали, что искать, найти их оказалось нетрудно.

На полах в большинстве помещений скопилось недостаточно пыли и мха, чтобы на них отпечатались чьи-то ноги, но этажом ниже, в стороне от главной лестницы, двое охотников доложили, что нашли еще одну комнату с разбитыми сосудами. Другие обнаружили еще несколько рельефов, из которых были выковыряны драгоценные камни, – они украшали стены коридоров и колонны нижней лестницы.

– Воры спешили, – сказал Лун Нефрите, когда они спускались по колодцу на уровни арборов. – Они могли вынуть камни из всех рельефов в древе, но не сделали этого.

– Получается, что они знали, зачем пришли сюда, и не стали терять время, когда нашли то, что нужно, – мрачно согласилась Нефрита и перемахнула на следующий балкон.

След вел далеко вниз, под мастерские арборов и под кладовые. В этой части древа находились коридоры и колодцы поменьше, и узкие лестницы вились вдоль и вокруг толстых складок древесины. Полы были неровными, а стены – необработанными и ничем не украшенными. Лун и Нефрита направились по коридору к внешней части ствола и нашли там Набата с отрядом солдат и охотников.

Когда к ним подросли Утес и Жемчужина, Набат сказал:

– Все двери внизу заперты изнутри, поэтому охотники решили, что никто их не открывал с тех самых пор, как двор ушел отсюда. – Он провел большим пальцем по стыку между дверью и стеной. – Но на остальных дверях в местах, где ветер и дождь проталкивали в щели грязь снаружи, выросла толстая корка, твердая как камень. – Он поднял глаза. – А на этой двери ее нет.

Жемчужина зашипела.

– Открой ее.

– Подожди. – Утес нахмурился, глядя на дверь. – Пусть окрыленные сначала разведают, что снаружи.

Нефрита с сомнением посмотрела на него.

– Ты же не думаешь, что тот, кто забрал семя, все еще здесь?

– Я не знаю, что думать, – сухо ответил Утес. – Но я знаю, что сейчас открывать любые удобные выходы на землю – плохая затея.

– Хорошо. – Голос Жемчужины звучал так, словно она с трудом сдерживала рык. Ее шипы подрагивали от нетерпения. – Торопитесь.

Вместе с Утесом, Звоном, Вьюном, Корнем и еще несколькими окрыленными Лун поднялся к дуслу, вылетел наружу и осторожно облетел древо по спирали, спускаясь вниз.

Они миновали платформы и пролетели прямо под потоком водопада. Часть густо разросшейся растительности все еще была прибита дождем, но Лун заметил кусты с ягодами, желтое вьющееся растение, похожее на белый корень, и высокие узкие кокосовые деревья. Они спустились еще ниже, пока дневной свет не превратился в глубокие зеленые сумерки. Земля вся поросла густыми папоротниковыми деревьями, ветви которых походили на гигантские раскрытые зонтики. Корни исполинского древа были огромны, их высоченные деревянные хребты спускались от необъятного отвеса ствола и разбегались в стороны. Лун не чуял рядом крупных животных, а в воздухе пахло мускусом и маленькими древесными обитателями. Целое племя мохнатых зеленых существ с визгом бросилось прочь, когда Утес приземлился на один из корней.

Под стекавшим с дерева водопадом образовалось неглубокое болотце. Почти все оно заросло сорняками и лилиями, и в нем лежали камни, как будто расположенные в определенном порядке, и виднелось что-то белое, издалика казавшееся похожим на цветы.

Лун приземлился на верхнюю часть другого корня, а Звон и остальные опустились рядом с ним. Он присел, чтобы получше рассмотреть заболоченную воду внизу, и увидел, что белые пятна были вовсе не цветами, а закрученными раковинами улиток с голубыми и зелеными крапчатыми телами. Некоторые были размером с его голову. Звон присел рядом с ним и сказал:

– Должно быть, их разводили в пищу. Не думаю, что нам нужны еще светильники, но из ракушек можно сделать украшения.

Лун косо на него посмотрел.

– Конечно, ведь вам всем нужно еще больше украшений.

Вьюн позвал их откуда-то сверху:

– Думаю, дверь здесь!

Лун поднял голову. Вьюн приземлился выше, там, где корень, круто вздымаясь, подходил к стволу дерева и нависал над ними подобно гигантской скале. Воин наклонился, заглядывая в похожее на пещеру углубление в живой древесине.

Лун запрыгнул к нему наверх, остальные поспешили следом. Углубление, увешанное лианами, как гирляндами, и поросшее пятнами мха, уходило внутрь дерева. Лун принюхался, но не почувствовал хищников и не уловил внутри никакого движения. Он оглянулся на Утеса, который вскарабкался по широкому корню, а затем принял земной облик. Праотец прошел мимо Луны и шагнул в пещеру.

Лун прыгнул внутрь и приземлился рядом с Утесом. Тусклый свет едва проникал сюда, но Лун уже видел, что сквозь древесину к самому стволу вела тропа. Она была укрыта толстым слоем отмерших ветвей папоротника и сухими трупиками жуков и, казалось, приводила в тупик, к плоской шершавой деревянной стене. Затем Лун разглядел врезанные в стену ступеньки и круглое очертание двери примерно в десяти шагах над ними.

Утес остановился столь внезапно, что Лун задел его плечом. Праотец смотрел вниз, в канаву сбоку от тропы. В нее забились листья, намытая туда дождем. Утес вдруг наклонился и начал раскапывать листву. Лун понял, что под ней скрывалась груда пожелтевших костей, все еще завернутых в разлагающуюся ткань и кожу.

– Что там? – спросил сзади Вьюн.

– Кости. Похоже, один из них не ушел далеко. – Лун присел, чтобы получше рассмотреть тело, которое выкапывал Утес. Либо оно упало в канаву, либо его туда затолкали.

Лун спросил:

– Семени нет? – Он не питал особых надежд на то, что его бросили здесь. Так просто их проблемы не разрешатся.

– Нет. – Утес встал, стискивая зубы от досады.

Звон проскользнул между Вьюном и Утесом и присел на корточки, чтобы поворошить останки. Корень и остальные столпились вокруг, чтобы посмотреть.

Лун поднял череп, но без плоти по нему было не понять, что это за существо. На вид его форма не отличалась от черепа земного облика Луны, но кожа существа могла быть гладкой, мохнатой, чешуйчатой или вообще с перьями.

Все еще ковыряясь в перегнившей листве, Звон достал из нее пригоршню маленьких, сильно заржавевших металлических дисков.

– Думаю, это пуговицы. Тут внизу полоска из толстой кожи – наверное, ремень... И существо здесь не одно, а больше. Костей слишком много, и вот еще... – Звон поднял второй череп, на этот раз с оторванной нижней челюстью.

Лун услышал стук и резко обернулся, а затем сообразил, что тот доносится из-за закрытой двери. Корень подскочил к ней и постучал в ответ. Через несколько мгновений дверь закрипела, затрещала, а затем отъехала в сторону, просыпав вниз ворох мертвых букашек.

– Мы нашли земных обитателей! – доложил Корень.

Утес раздраженно зарычал.

– Земных обитателей, которые уже цикл как мертвы.

Остальные повалили из двери, и Нефрита приземлилась рядом с Утесом. Она посмотрела на кости и недовольно нахмурилась.

– Что ж, по крайней мере, мы знаем, что это были земные обитатели и что они пришли сюда около цикла назад.

– Эта дверь не открывается снаружи, и она была заперта на засовы, – сказал Набат, спускаясь по стене. – Должно быть, им кто-то помогал – кто-то, кто мог подлететь к дуслу, забраться внутрь, а затем впустить остальных здесь, внизу.

– Кто-то из нас? – спросила Песня. – Раксура?

– Или любое другое существо, способное летать или карабкаться. – Лун положил череп обратно на груды костей и встал. – Это необязательно был раксура.

– Или они попросили какого-нибудь одиночку помочь им... – начал Корень, а затем осекся, поведя шипами. – Ой, Лун, извини.

Лун сдержал свое раздражение. Даже в столь критической ситуации никто не забывал, кто из них был диким одиночкой.

Звон стегнул Корня хвостом.

– Вопрос в том, как нам их выследить?

Набат протиснулся мимо Утеса, чтобы оглядеть кости земных обитателей.

– Никак. Слишком много времени прошло.

– Мы все равно должны искать, – сказала Нефрита и посмотрела туда, где в дверном проеме на корточках сидела Жемчужина. – Если они оставили мертвецов, то могли оставить и другие следы, какое-нибудь указание на то, откуда они пришли.

Судя по выражению лица Жемчужины и по тому, как поникли ее шипы, праведный гнев королевы уже сменился подавленностью. Лун подумал, что это совсем дурной знак. Одной из проблем в старой колонии была растущая безучастность Жемчужины. Нужда и отсутствие влияния Сквернов позволили ей стряхнуть с себя апатию, и сейчас было совсем не подходящее время для того, чтобы она в нее вернулась.

Тишина затянулась и стала неловкой. Затем Жемчужина уложила шипы и сказала:

– Идите и ищите. Возможно, они допустили оплошность.

Лун ощутил облегчение остальных. Их шансы найти что-либо не имели значения, важно было лишь то, что их правящая королева не собиралась сдаваться. Или, по крайней мере, у нее получалось это скрыть.

Нефрита сделала вид, словно не заметила паузы, и сказала Набату:

– Отправь кого-нибудь за Крестцом. Нам понадобятся все охотники.

Глава 4

Они начали поиски в диковинном сумеречном мире среди корней исполинского дерева, пробираясь через занавесы мха и лиан, через заросли папоротниковых деревьев и через болота. Учителям и остальным окрыленным было сказано продолжать обыскивать внутреннюю часть ствола и верхние ветви дерева на случай, если воры оставили там еще какой-нибудь след.

Лун обыскивал землю вместе с охотниками, но он особо ни на что не надеялся. Если земные создания не разбили долговременный лагерь, пытаюсь пробраться в дерево, влажность и время уже наверняка стерли все следы их пребывания. И даже если ракурса найдут остатки лагеря, цепочка следов от него уже наверняка исчезла.

Но ничего другого они пока сделать не могли.

Прочесывая землю в зарослях тростника, Лун миновал поляну, на которой разговаривали Нефрита, Утес и Цветика. Он услышал, как Нефрита спросила Утеса:

– Семя обязательно должно быть то же самое? Мы можем достать другое?

Утеса эта мысль, похоже, не воодушевила.

– Я не знаю. Наверное.

Цветика же считала, что все не так безнадежно.

– Я сказала Душе, Толку и остальным распаковать библиотеку нашего двора. Где-нибудь в ней найдется ответ. Сейчас пойду присоединюсь к ним.

Лун продолжал пробираться через тростники, заходя все дальше и дальше. «Если получится раздобыть другое семя...» Что ж, хоть какая-то надежда.

По мере того как корни разбегались все дальше от исполинского дерева, они становились тоньше, размером со стволы больших папоротниковых деревьев. Некоторые корни вздымались из земли, образуя арки, и складывались в невероятные формы, с которых свисали полотна мха и лиан.

Затем Ежевика, одна из охотниц, выскользнула из низких кустарников и издала едва слышный щелчок, подзывая Луну. Удивившись, Лун пригнулся и пошел за ней под листвой. Он-то был совершенно уверен, что они ничего не найдут.

Они подошли к высоким зарослям больших зеленых цветов с ярко-красными серединками. Ежевика присела в их тени и указала вперед.

Чуть дальше, за цветами, находился неглубокий водоем, похожий на разлившийся отрезок ручья. Там обитала колония улиток с темно-коричневыми раковинами. А еще у водоема кто-то сидел на корточках, наблюдая за улитками.

Это был земной обитатель, но Лун никогда прежде не видел таких существ. Его ноги и руки были тонкими, как палочки, и покрытыми негустым мехом, а туловище – узким, плоским и, казалось, состояло из одних только ребер. Живот и внутренности существа, по-видимому, были крошечными, и Лун никак не мог разобрать, где находятся его половые органы. Голова была квадратной, глаза и рот – круглыми, а на месте носа находилась щелочка. Тело существа было опутано лианами – или же они росли прямо на его коже, – и казалось, что оно закутано в них, как в одежды.

Лун был готов подумать, что это просто животное, какой-нибудь крупный древесный обитатель, но за плечом существа висела сумка из сплетенной травы, а рядом на камнях лежала пара заостренных палок. А еще Лун подумал, что древесный обитатель уже бы их заметил.

Он вопросительно посмотрел на Ежевику, и та пожала плечами, показывая, что тоже не знает, кто это.

Существо не было похоже на мертвых земных обитателей, но если оно здесь жило, то могло знать что-нибудь о краже. Лун подался вперед и издал негромкий горловой звук, похожий на щелчок.

Земной обитатель рассеянно посмотрел по сторонам, увидел его и замер. Затем он заверещал, подпрыгнул и, поднимая тучу брызг, перебежал водоем, чтобы спрятаться в папоротниках.

– Приведи остальных, – сказал Лун Ежевике и бросился за ним.

Он в два прыжка догнал существо и приземлился на верхушке изгиба корня как раз в тот миг, когда оно пробежало под ним. Лун мог бы схватить беглеца, но боялся, что, если обрушится на него, то раздавит своим весом, как связку хвороста.

Существо пробежало через еще одну рощицу деревьев, и Лун спрыгнул на землю, чтобы последовать за ним. Несколько охотников поравнялись с Луном как раз тогда, когда он выбежал из рощицы и резко затормозил. Он нашел деревню.

Большие круглые постройки – хижины из сплетенных палок – висели под арками самых высоких корней, соединенные сложными сетями из веревок-лиан. Их было несколько дюжин, они висели на корнях повсюду, куда бы ни посмотрел Лун. На земле под хижинами расположились столь же необычные земные обитатели. Они сидели на ковриках из травы, сплетали лианы или перебирали кучи собранных растений. Они с нескрываемым удивлением уставились на Луна и охотников. Некоторые вскочили на ноги или что-то воскликнули, но никто не пытался угрожать чужакам.

Звон приземлился рядом с Луном, а через миг из-за деревьев вышел Утес. Праотец все еще был в земном облике, что, пожалуй, было хорошо, ведь они не хотели перепугать этот народец.

– Они совсем не похожи на мертвых существ, которых мы нашли, – сказал Звон, изучая незнакомцев. – Те ребра были слишком большими.

Утес внимательно посмотрел на встревоженных земных созданий.

– Это кеки. Коренные обитатели этого леса, как и мы.

Нефрита приземлилась рядом с Луном и сложила крылья. Песня подошла и встала позади, а Корень и Выюн примостились на ветвях папоротникового дерева над ними. Охотники собрались вокруг, топорща шипы от любопытства. Нефрита сказала:

– Этот народ живет под корнями?

Утес сказал:

– Они полезны для древа. Помогают оздоравливать почву вокруг. Когда двор уходил отсюда, кеки здесь не жили. В те времена они почти вымерли в этой части леса. – Он шагнул вперед, поднимая перед собой пустые ладони.

Один из кеков вышел вперед, к ним, а остальные встревоженно собрались позади своего предводителя. Насколько мог судить Лун, он был очень старым. Худой, даже по сравнению с другими кеками, с него из самых удивительных мест свисало множество белесых ниточек. На существе было ожерелье из маленьких ракушек, а в руках оно держало посох, к которому вместо наверхия были прикреплены изодранные листья.

Утес прибавил:

– Им незачем красть семя. Но, возможно, они видели, кто это сделал.

Нефрита, Звон и Лун уселись на мягкий мшистый ковер, покрывавший землю, и стали слушать, как Утес разговаривает с кеком. Окрыленные и охотники собрались за ними, примостившись на папоротниковых деревьях, а остальные кеки, приободренные примирительным жестом Утеса, вышли наружу и собрались вокруг своего предводителя. Несколько крошечных

кеков – детишек этого племени – выглядывали из висячих хижин, оставаясь на безопасном расстоянии.

К счастью, Утес худо-бедно умел разговаривать на языке кеков, который он выучил, когда был еще мальчишкой, много-много циклов назад. Пожилой предводитель, имя которого звучало примерно как Коф, в свою очередь, худо-бедно говорил на языке раксур, но не знал ни альтанского, ни кедайского, ни какого-либо другого языка, которым владел Лун. Много жестикулируя и подбирая слова, Утес постепенно выведал у кеков их историю.

Эти кеки оставили корни своего родного древа, когда те стали слишком перенаселены, и отделились от основного племени. Когда они попросили помощи у раксур, те направили их в сторону этого древа-колонии, которое было давно заброшено. В поисках древа кеки долго шли по земле и около двадцати циклов тому назад наконец достигли его.

– Они многое о нас знают, – с надеждой сказал Звон. – Может быть, они забрали семя на хранение и вернут его, если мы попросим.

На это оптимистичное предположение Утес ответил коротко:

– Заткнись.

Лун сочувственно толкнул Звона плечом. Но он не думал, что на это стоило надеяться. Раз кеки многое знали о древах-колониях и зависели от корней, чтобы жить среди них, то они наверняка не стали бы делать ничего, что могло бы повредить древу. И Лун не мог представить себе, чтобы эти хрупкие создания крушили корзины и сосуды в поисках сокровищ или вышибали инкрустацию из резьбы. Они не носили даже деревянные бусы, все их вещи были сделаны из растений и украшены цветами, раковинами улиток или панцирями насекомых.

И когда Утес спросил, не приходили ли сюда недавно необычные земные создания, Коф утвердительно потряс посохом.

Это случилось, когда сезон теплых дождей завершился, начался сезон холодных дождей и во второй раз зацвел мох – Утес определил, что прошло чуть больше цикла. Когда он спросил, пришли ли чужаки пешком, Коф неопределенно помахал рукой.

– Они наверняка шли пешком. Повозка здесь бы не проехала, – вставил Лун.

– Возможно, у них был летучий корабль, как у островитян, – сказала Нефрита. – Если так, то мы сможем точнее определить, откуда они.

Утес снова задал вопросы, выуживая больше сведений. Судя по всему, Коф не видел пришельцев своими глазами. Когда кеки подошли, чтобы поговорить с ними, те напали и убили троих. В деревне испугались, что чужаки перебьют их, и все сбежали в более безопасное место на другой стороне древа. Однако оставшиеся здесь разведчики видели, как земные обитатели вошли в древо через одну из дверей в корнях.

– Как они ее открыли? – спросила Нефрита, заглушив голоса других раксур, в том числе Луна и Звона, наперебой пытавшихся задать тот же вопрос. Некоторые кеки, перепугавшись, отскочили назад.

Утес шикнул, чтобы они замолчали. Коф поднял руки.

– Не знаю. Дверь открылась.

– Что потом? – спросил Утес.

Через некоторое время разведчики увидели, что необычные земные существа выходят из той же двери. Вскоре после этого они покинули окрестности – эту часть истории Коф описал, помахав рукой, как будто на прощание. Когда кеки подошли, чтобы посмотреть, в чем дело, то обнаружили, что дверь снова заперта.

– Мы не узнали почти ничего нового, – сказала Нефрита, нетерпеливо постукивая когтями. – Как выглядели те чужаки? У них голая кожа или с мехом?

Утес перевел вопрос, но Коф лишь задумчиво почесал волоски на подбородке, словно не понял его. Лун принял земной облик, взбудоражив кеков. Похоже, они уже давно не видели,

как раксуря перевоплощаются. Он подался вперед, придвинувшись к Утесу, закатал рукав и протянул руку.

– Кожа такая, как у нас, или другая? – Утес тоже протянул руку, блекло-серую по сравнению с темно-бронзовой кожей Луна.

Коф потянулся к ним и коснулся сначала руки Утеса, затем Луна. Ощущение было таким, словно по нему осторожно провели палочками. Коф повернулся и какое-то время совещался с остальными кеками, некоторые из которых, предположительно, видели тех земных обитателей. Затем он снова заговорил с Утесом, и тот перевел:

– По меньшей мере у нескольких была такая же кожа, как у наших земных обличий. Они не видели многих вблизи, так что остальные могли быть и другими. – Он прибавил, обращаясь к Кофу: – Но ваши разведчики никого не убили? В проходе среди корней, у двери?

Коф ответил выразительным отрицанием. Необычные существа были сильными, с металлическим оружием, и кеки понимали, что не переживут сражения с ними. Они лишь надеялись, что чужаки уйдут, а когда те ушли, то стали надеяться, что они больше не вернуться.

– Скажи им, что они не вернуться, – сказала Нефрита, разочарованно подперев подбородок рукой. – Они получили то, что хотели.

Лун и остальные оставили кеков. Те были рады, что в древе-колонии снова поселились раксуря, хотя Утес предупредил их, что они здесь, возможно, не навсегда. Когда они вернулись в приемный зал, Утес забрался наверх и улегся на полу королевского уровня, рыча на всех, кто осмеливался подойти к нему близко. Жемчужина исчезла – видимо, решила забаррикадироваться в опочивальне вместе с Потоксом и другими своими фаворитами. Крестец спустился вниз, чтобы пересказать состоявшийся разговор Цветике и другим наставникам, пытавшимся разыскать сведения о семени в библиотеке двора.

Лун остался в зале учителей вместе с Нефритой, Звонсом и приунывшей горсткой окрыленных и арборов.

– Что нам теперь делать? – спросил Бубенчик, неуверенно поглядывая на Реку. – Мы собирались убраться в оставшихся опочивальнях на этом уровне и начать работать в садах, но...

– Нужно отремонтировать летучие корабли, прежде чем мы отправим их обратно, – прибавила Почка, а затем бессильно махнула рукой. – То есть даже если мы снова полетим на них, они должны быть в рабочем состоянии.

– И нам все еще нужна еда. – Бусинка устало пожала плечами.

Нефрита вяло повела шипами, соглашаясь.

– Неважно, что будет дальше. Какое-то время мы пробудем здесь. Охотники отправятся на поиски дичи, а воины разведывают окрестности по воздуху и будут патрулировать их. Остальные могут продолжать приводить опочивальни в порядок и начинать ремонтировать летучие корабли.

Все, похоже, испытали облегчение от того, что было принято хоть какое-то решение. Пусть они не знали, что делать в перспективе, по крайней мере, им было чем заняться сейчас.

Когда собравшиеся разошлись, Лун заметил досаду на лице Звона. Он подтолкнул его локтем.

– Иди, помоги Цветике и остальным.

Звон помедлил.

– Думаешь, стоит?

– Это сейчас важнее всего остального. – Судя по разговорам, охотники и большая часть воинов собирались отправиться на охоту. Звон был им не нужен, а наставникам наверняка пригодилась бы любая помощь.

Недолго помявшись в нерешительности, Звон кивнул. Он, похоже, был рад заняться чем-то, что у него получалось.

– Ты прав. Пойду помогу им с книгами.

Когда Звон ушел, Нефрита сказала:

– Я спущусь вниз и тоже им помогу. Я ориентируюсь в библиотеке не так хорошо, как наставники, но в последние несколько циклов я только и делала, что училась.

Лун все это время предполагал, что отправится на охоту, и только что понял, что, возможно, от него ждут совсем не этого.

– Хм, ты не против, если я полечу поохочусь?

Она склонила голову набок и косо на него посмотрела.

– Если я скажу, что против, это что-нибудь изменит?

Немного обидевшись, Лун сдержанно сказал:

– Да. – Затем он помедлил и уже честнее прибавил: – Наверное.

Нефрита вздохнула, но с оттенком иронии. Она сказала:

– Иди.

И Лун пошел.

Охота оказалась настолько увлекательной, что почти смогла отвлечь Луна от тревог за их ближайшее будущее. Вместе с отрядом окрыленных он разведал висячий лес и обнаружил, что на платформах исполинских древ обитали травоеды. Посоветовавшись с Крестцом, они решили сосредоточиться на стаде прыгучих существ, похожих на бэндоскоков с востока, только эти были с тускло-зеленой шерстью, с рогами и гораздо злее.

Платформы древа-колонии не были связаны с платформами окружающих деревьев, хотя арборы нашли остатки давно обрушившихся деревянных мостов. Окрыленные перенесли охотников на платформу рядом с похожими на бэндоскоков существами, и дальше охотники уже двинулись в путь самостоятельно. Они перебирались с дерева на дерево, запрыгивая или соскакивая на платформы внизу, перебегая по ветвям или карабкаясь по широким полотнам зелени на ярусы повыше.

На поляне одной из платформ Лун убил прыгуна и, примостившись на его туше, наблюдал за окончанием охоты. Им оставалось выяснить, не водятся ли в окрестностях крупные хищники, и окрыленным еще предстояло многое разведать. Однако Лун уже верил, что этот висячий лес был тем самым местом, где должны жить арборы. Здесь ярко сиял солнечный свет, окрашенный в зеленые тона, вокруг пели птицы, ветерок, помимо запаха крови и мертвого прыгуна, был пронизан запахами сотни различных цветов. Когда Крестец вытащил на поляну еще одну тушу, Лун сказал:

– Это хорошее место.

– Да уж. – Крестец выпрямился и стряхнул с гребней на голове кровь. – Могло быть хорошим. – Он говорил так, словно уже сдался.

Лун еще не думал, что пришла пора сдаваться.

– Мы отбились от стаи Сквернов, у которой были наставники-полукровки, – напомнил он.

Крестец вздохнул.

– Если бы нам пришлось с кем-нибудь сражаться, я бы не беспокоился.

Когда охотники объявили о завершении охоты, Лун помог им перенести туши в колонию. Они добыли столько мяса, что его должно было хватить всему двору на несколько дней, и арборы могли завялить часть, чтобы сохранить его. Охотники принялись снимать шкуры и разделять туши, а Лун полетел к одной из платформ и встал под небольшой водопад, чтобы смыть кровь с чешуи. Он с теплотой вспоминал о купальнях с горячей водой в старой колонии – они нагревались камнями, зачарованными наставниками. Здесь арборы могли устроить такие

же, когда вычистят мох и разберутся, как пустить воду в бассейны внутри дерева. Если, конечно, двор останется здесь надолго.

Чтобы просушить крылья, Лун перелетел на платформу, у которой были пришвартованы летучие корабли, и приземлился на палубу «Валендеры». На корабле под руководством Нирана и под зорким присмотром Почки трудилась группа арборов – они шкурили оставшиеся от когтей отметины, заделывали дыры и плели новые снасти. Новости уже разлетелись, и Лун неожиданно обнаружил, что Ниран сочувствует им.

– Это похоже на утрату двигателя корабля, – говорил островитянин, облокотившись на ограждение палубы. – Тем, кто не имеет возможности добраться до небесных островов, очень трудно добыть из них камни. Вместо того чтобы попытаться их купить, некоторые крадут их. – Он покачал головой. – Но мы знаем, где достать новые, и мы не живем на наших кораблях.

Почка облокотилась на борт рядом с ним, ее шипы и гребни были понурены.

– Я не знаю, что мы будем делать. Все рассчитывали, что мы останемся здесь жить.

– Разве вы не можете найти в этом лесу другое место? – спросил Ниран. Лун и сам подумывал о том же. – Здесь есть другие заброшенные колонии?

Выражение лица Почки не стало менее тоскливым.

– Наверняка есть, но все они принадлежат их исконным дворам. Как и это дерево все еще принадлежало нам, хотя мы уже много поколений сюда не возвращались. Если мы займем чью-то колонию и территорию, даже если ей и не пользуются, другие дворы могут бросить нам вызов. Нам придется совсем покинуть Пределы. Путь будет долгим, особенно учитывая то, что мы не знаем, куда направимся.

Луну было нечего на это ответить. На палубе уже работало более чем достаточно арборов, и он не хотел просто стоять и глазеть. Он прыгнул за борт, подлетел к дуслу и направился по извилистому коридору в приемный зал. Несколько солдат стояли там на страже, и теперь они выглядели куда угрюмее, чем утром. Один темно-зеленый, крепко сложенный арбор поднял глаза, и Лун узнал его. Это был Ячмень – один из солдат, пытавшихся выгнать Луну из колонии в первый же день, когда он прибыл туда.

Лун не мог сказать, вспомнил ли Ячмень то происшествие, но выглядел он таким же подавленным, как и Почка. Он сказал Луну:

– Они все внизу, в большой комнате под этажом учителей. Читают.

Лун благодарно махнул хвостом и направился к лестнице. На самом деле под определение «большой комнаты под этажом учителей» попадало множество помещений, но он нашел их в той же комнате, где они разбирали разгруженные припасы с кораблей. Она была круглой, несколько проходов вели из нее в соседние помещения или вверх, в опочивальни, а купольный свод потолка украшало резное изображение неба, где растянувшиеся в стороны солнечные лучи уступали место звездам и полумесяцу. По периметру комнаты, прямо под резьбой, располагались ракушки-светильники.

Все наставники и несколько учителей сидели на полу и читали неплотно переплетенные книги и стопки несшитого пергамента. Нефрита сидела рядом с Цветикой, Толком и Звоном и листала толстую книгу.

Лун принял земной облик, поскольку все остальные были в нем же, а Нефрита – в облике арборы. Он подошел, сел рядом с ней, и она обняла его за талию, притянув к себе поближе. Лун прижался к ней и потерся щекой об ее щеку. Она спросила:

– Ты хорошо поохотился?

– Замечательно, – рассеянно сказал он, отвлекшись на книгу. Пергамент был толстым и мягким, сшитым серебристым шнуром, тонким, как проволока, а обложка сделана из мягкой голубой шкуры рептилии. Разобрать письма было решительно невозможно. Казалось, что страница целиком заполнена извилистым узором, местами украшенным цветными чернилами. Лун надеялся, что смотрит на какой-нибудь декоративный орнамент, но Нефрита перевернула

страницу, и его надежды рассеялись. Он мельком окинул взглядом книги и пергаменты, которые изучали Цветика и Звон. Нет, все-таки это были письма.

Он умел хорошо читать по-альтански и по-кедайски и мог разобрать слова некоторых других земных языков, но этот был ему совсем не знаком. Лун предположил, что книги написаны на языке раксур, но он даже не мог разобрать, где начинается одна буква и заканчивается другая. До этого он смутно надеялся, что существует какая-нибудь книга о консортах, которая даст ему хоть какое-то представление о том, как ему нужно себя вести и что от него ожидают, ну или, по крайней мере, скажет, на что ориентироваться. Теперь об этом не могло быть и речи; такая книга, может быть, и существовала, но написана она была точно не на алтанском.

Лун помедлил, а затем спросил:

– Вы уже что-нибудь нашли? – Он не знал, что ответит, если его попросят помочь. Рано или поздно ему придется признаться и попросить кого-нибудь научить его читать, но пока что Луну не хотелось этого делать. Он не желал давать Потоку и его приспешникам новые поводы придираться к нему, особенно теперь, когда двор находился в столь шатком положении.

– Думаю, мы наконец-то нашли, где нужно искать, – сухо сказала Нефрита. – Это уже что-то.

Звон завозился и потер рукой шею.

– Мы начали с самых старых записей, но все они, похоже, начинаются с того времени, когда Индиго и Туман увели двор отсюда.

Цветика кивнула, не отрывая глаз от книги.

– Похоже, что пергамент, которым они пользовались, начал рассыпаться, и им пришлось переписать большинство старых томов. Они слишком торопились, чтобы переплести их. А без обложек мы не можем понять, когда были сделаны записи. Приходится читать все подряд, пока что-нибудь на это не укажет.

Насколько понял Лун, все то время, что Цветика говорила, она продолжала читать. Видимо, быть наставником было гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд.

Толк перевернул страницу, зевая.

– Хотя бы одно мы уже выяснили: нет никаких упоминаний о том, что, когда двор уходил отсюда, с древом было что-то не так.

– Утес уже и так это сказал, – заметила Душа.

Толк пожал плечами.

– Я знаю, но если бы его здесь не было и он не мог бы нам об этом сказать, то мы бы все равно смогли это выяснить.

Душа хмуро посмотрела на него.

– Ты можешь выразиться еще мудренее? А то я тебя почти поняла.

– Потом поспорите, сейчас читайте, – почти прорычала Цветика.

Лун подождал, когда они все снова углубятся в чтение, а затем ускользнул прочь.

Он зашел в ясли, чтобы навестить детей. Пока королевские птенцы из Медного Неба вели шуточные бои с юными птенцами-воинами, а малыши арборы карабкались по нему, Лун пытался забыть о бедах двора.

Подошла Весна, уселась рядом с Луном и без предисловий сказала:

– Медяк говорит, что мы не можем здесь остаться. – Нескладная пигалица-воительница вместе с ее братом Снежком были самыми взрослыми из воинов-птенцов и единственными выжившими из последнего выводка Смоли, прошлой королевы-сестры.

Лун посмотрел на нее поверх макушки малышки-арборы, крепко прижавшейся к его груди. Это была не то Ракушка, не то Крапинка – он все еще не мог их различить, они даже пахли одинаково.

– Кто такой Медяк?

Стеснительный Снежок пододвинулся к Весне и подсказал, выглядывая у нее из-за спины:

– Он воображает себя умным, потому что Цветика говорит, будто он станет наставником, когда вырастет.

Лун потрепал гребни Ракушки или Крапинки, размышляя, стоит ли ему обо всем им рассказывать. Маленькая королева Стужа, в какой-то миг потешного боя сменившая сторону и прижавшая Шипа к полу, остановилась, чтобы послушать, а вслед за ней замерли и остальные драчуны. Горький, сидевший на спине Стужи, смотрел на Луну широко распахнутыми глазами. Три учителя, кормившие малышей-арборов, тоже бросили на него взгляды, полные беспокойства и любопытства.

Лун вздохнул, смирившись с тем, что ему придется побыть вестником дурных новостей.

– Мы пока не знаем. Но, возможно, нам придется уйти.

Он приготовился к тому, что ему придется объяснять кражу семени, и лишь надеялся на то, что дети не решат, будто в древо в любой момент могут ворваться чужаки. Но Стужа лишь спросила:

– На летучих кораблях?

Лун сказал, что, наверное, да. Тогда Шип скинул с себя отвлекшуюся Стужу, Горький прыгнул на них, и игра возобновилась.

Снежок вприпрыжку побежал к остальным птенцам, но Весна сказала:

– Они не понимают.

Лун подумал, что Стужа, Горький и Шип, наверное, все понимали, но, по сравнению с тем, что они пережили, очередной переезд не казался им таким уж страшным делом. Остальные все еще не оправались после нападения Сквернов, а большинство, похоже, просто притворились, что ничего и не произошло. Весна была уже достаточно взрослой, чтобы осознавать все возможные последствия их положения, и, наверное, начинала чувствовать груз ответственности, который скоро будет возложен на нее как на воительницу из королевского выводка. Лун попытался утешить ее:

– Мы пережили Сквернов, переживем и это.

С Весной это сработало лучше, чем с Крестцом. Она чуть выпрямилась и сказала:

– Да. Переживем.

Позже Лун вернулся в зал учителей, но обнаружил, что деятельные арборы уже перенесли все вещи в только что убранные опочивальни. Он нашел ту, в которую они заселили его и Нефриту, – просторную комнату у дальней стороны яслей с выходящим на лестницу балконом и с потолком, украшенным замысловатой резьбой. На полу были разложены шкуры и подушки для сидения, в чаше-очаге лежали горячие камни, а в большой подвешенной кровати лежала груда одеял. Лун увидел свое шерстяное одеяло лежащим сверху и решил, что это хорошо, – значит, он тоже здесь живет. Он запрыгнул на кровать, чтобы подремать.

Через некоторое время его разбудила Нефрита, забравшаяся на него, чтобы заняться сексом. Лун даже не успел спросить, насколько продвинулось дело с книгами. После она уснула, а он лежал, поглаживая ее гребни, и думал, как сильно ему хочется остаться здесь вместе с ней. С Нефритой он был готов жить где угодно, но это место нравилось ему больше прочих.

Он снова задремал и проснулся уже тогда, когда Толк постучал по дну кровати.

– Нефрита? Цветика говорит, что она что-то нашла.

Они собрались в зале учителей под ветвями резного леса. Утес вернулся, прервав спор о том, кто должен пойти и позвать его. Вьюн привел Жемчужину, Потока, Дрейфа и еще нескольких окрыленных оттуда, где они прятались. Звон, Крестец, Набат и Бубенчик были здесь, но остальной двор созван не был. Все, похоже, решили подождать, когда у них появится связный

план, и уже затем объявить о нем всем остальным. Впрочем, учитывая, с какой скоростью разлетались вести среди арборов, созывать общее собрание, наверное, и не потребуется.

Когда все нашли себе места и уселись, Цветика устроилась в самом центре собравшихся. На коленях она держала свиток пергамента, а его раскрашенный кожаный футляр лежал рядом.

– Мы нашли дневник наставника, в котором говорится о семенах. К несчастью, там не сказано, что делать, когда древо-колония теряет свое семя. Подозреваю, что мы первый двор, столкнувшийся с подобной проблемой, – по крайней мере, наши предки о ней не знали.

Нефрита горько усмехнулась:

– И почему меня это не удивляет?

Лун подумал о том же.

Жемчужина недобро зыркнула на нее, а затем спросила у Цветики:

– Тогда о чем же там говорится?

– О том, где произрастают семена. – Цветика постучала по свитку у нее на коленях. – Их берут из сердца исполинского терновника, очень редкого растения, которое растет только в западных Пределах. Семя нашего древа произошло из терновника, который находится в четырех или пяти днях полета воина отсюда и который занят двором Изумрудных Сумерек. Точнее, он был занят им в то время, когда были сделаны эти записи.

– Они еще там. – Лицо Утеса, как всегда, ничего не выражало. Он, похоже, не воодушевился сказанным в той же степени, что и все остальные. – Я видел их разведчиков, когда прилетал сюда два цикла назад. Они – древнейший двор в этой части Пределов, и крупнейший.

Нефрита подалась вперед. На ее лице читалась решимость.

– Значит, мы можем попросить у них другое семя?

Цветика кивнула.

– Думаю, это самый лучший вариант. Конечно, мы не знаем, есть ли у них лишние, но спросить всегда можно.

Все посмотрели на Жемчужину. Она гневно дернула хвостом.

– Полагаю, придется отправить официальную делегацию. – Жемчужина сказала это так, словно даже думать об этом было невыносимо.

Лун посмотрел на Нефриту: вид у нее был скорее недовольный, чем мрачный. Да и идея отправить официальную делегацию, похоже, больше никого не возмутила. Видимо, Жемчужина просто терпеть не могла других раксур. «Хорошо, что не меня одного», – подумал Лун.

– Нам придется унижаться и молить их о помощи, – прибавила Жемчужина. Если до этого она чуть водила хвостом из стороны в сторону, то теперь с силой хлестнула им. Ее воины отодвинулись чуть подальше, чтобы она их не задела.

Нефрита сказала:

– Я полечу. Если отправишься ты, то это действительно будет выглядеть как унижение.

Жемчужина гневно взглянула на нее.

– Ты никогда прежде не встречала другую королеву, тем более в качестве посланницы. Ты даже ни разу не летала в Солнечный Ветер.

Нефрита ощетижилась.

– Слетала бы, будь у меня такая возможность. – Она на миг отвела взгляд, явно стараясь взять себя в руки. – Сейчас самое время научиться.

Жемчужина явно разрывалась между нежеланием дать Нефрите ответственное поручение и невыносимой мыслью о том, что иначе ей придется полететь туда самой. Наконец она сказала:

– Что ж, хорошо. Отправишься завтра.

Лун почувствовал, как напряжение покинуло Нефриту, и он сам с облегчением вздохнул. У них появились план и хоть какой-то шанс – ну или по крайней мере способ получить

больше сведений, и Жемчужина не стала упрямиться. Точнее, не стала упрямиться больше, чем обычно.

Затем Утес прокашлялся. Жемчужина несколько мгновений сверлила его взглядом.

– Что?

Он сказал:

– Туман Индиго не заключал союз с Изумрудными Сумерками.

Жемчужина отмахнулась.

– Мы предложим им союз. У них нет причин отказываться.

Лун с трудом сохранил невозмутимое выражение лица. У Изумрудных Сумерек не было причин отказываться от союза, потому что Жемчужина еще не успела настроить их против себя, как это случилось с Солнечным Ветром – двором, который отказался помочь им в борьбе со Сквернами.

Утес почесал шею и задумчиво прибавил:

– Однажды мы чуть не развязали войну с Изумрудными Сумерками. Это было еще до того, как Туман Индиго покинул Пределы.

Среди собравшихся прошел удивленный ропот.

– Войну? – недоверчиво повторила Цветика.

– Ты шутишь? – требовательно спросила Нефрита.

Шипы Жемчужины встали дыбом.

– Это было твоих рук дело? Что ты тогда натворил? Рассказывай.

Утес сердито посмотрел на нее.

– Мне было всего десять циклов. – Когда Нефрита и Жемчужина вместе стали сверлить его взглядами, он признался: – Индиго украла Тумана у королевы-дочери Изумрудных Сумерек. Я забыл, как ее звали.

– Украла? – теперь уже Лун уставился на него. – Что... как... Разве такое может случиться?

– Нам остается только надеяться, – едко вставил Поток. Дрейф захихикал.

Лун с вызовом посмотрел Поток прямо в глаза.

– Тебя снова поколотить?

– Замолчите оба, – рявкнула Жемчужина. Она снова повернулась к Утесу. – Туман был помечен?

– Да. Он стал консортом королевы-дочери, когда был еще совсем юн. Прошло несколько циклов, и их отношения все не ладились. Выводок они еще не завели. – Утес пожал плечами. – По крайней мере, так говорили у нас. Я понятия не имею, правда ли это на самом деле или нет.

Крестец с возмущенным видом покачал головой.

– Это вообще есть в летописях?

Цветика застонала и потерла глаза.

– Я ничего подобного прежде не читала. И не сомневаюсь, что такое я бы запомнила.

Судя по разговорам, дело было серьезное. Похоже, никто не думал, что в Изумрудных Сумерках могли забыть о том происшествии. А Лун даже не знал, что они подразумевали под словом «украла». «Забрала его силой и унесла? Как Скверны похитили арборов?» Ему совсем не хотелось беспокоиться еще и об этом.

Нефрита нетерпеливо постучала когтями по полу.

– Как это произошло?

Утес сказал:

– Все случилось, когда Индиго была королевой-сестрой, а ее мать – Вишня – была еще жива. Индиго отправилась в Изумрудные Сумерки с визитом. Она увидела Тумана и просто... утатила его. Половина королев Пределов собрались, чтобы уладить это дело и предотвратить войну, и к тому моменту Индиго уговорила Тумана принять ее и отречься от его первой коро-

левы. А уже остальные королевы уговорили Изумрудные Сумерки спустить им этот проступок. – Он развел руками. – Их союз оказался удачным. Индиго стала правящей королевой, двор переименовали в честь нее и Тумана, и они повели нас в новую колонию, когда эта начала угасать. Они произвели на свет восемь выводков. Но я не имею ни малейшего представления, как на ту историю смотрят в Изумрудных Сумерках.

Все молчали, переваривая сказанное. Бубенчик и Набат обменялись беспокойными взглядами. Крестец что-то сердито прорычал себе под нос.

Звон прокашлялся и осторожно сказал:

– Может быть, сейчас самое время вернуться к обсуждению того, что стоит переименовать двор?

Никто не обратил на него внимания. Нефрита спросила у Утеса:

– Если нам придется искать другую колонию, куда мы отправимся?

Выражение лица Утеса не обнадеживало.

– Если мы останемся в Пределах, то нам придется искать незанятую территорию и строить колонию самостоятельно. А это значит отсутствие крепкой крыши над головой на многие сезоны и никакой подготовленной земли для садов.

Цветика негромко сказала:

– Боюсь подумать, сколько из раненых и пожилых не выживут в таких условиях.

Плечи Звона поникли, словно он содрогнулся при мысли об этом.

– За последние двадцать циклов мы перенесли слишком много болезней. Я знаю, что виной тому было влияние Сквернов на старую колонию, но если начнется очередная вспышка легочной хвори...

Лун мог хорошо себе это представить. Он повидал достаточно вымирающих земных лагерей и знал, что может произойти. Пожар, наводнение, плохой урожай или болезнь, которая заберет жизни слишком многих, и община уже не сможет оправиться. Маленькие поселения были уязвимы, особенно когда им приходилось переходить на другое место.

Утес не обратил внимания на их слова и просто продолжил:

– Если мы решим вернуться туда, откуда пришли, или двинемся к Периферии... Мне придется полететь на разведку и найти заброшенное место, где мы сможем поселиться.

– И надеяться, что ты найдешь его прежде, чем это дерево рухнет нам на головы, – сказал Набат.

Жемчужина обратилась к Нефрите.

– Сначала попытаем счастья с Изумрудными Сумерками. Тебе все равно придется отправиться к ним и надеяться, что... Просто надеяться.

Нефрита кивнула. На этот раз она была полностью согласна с Жемчужиной.

– Хорошо.

Разговор перешел на то, кто полетит вместе с ней и кто должен составлять официальную делегацию. По всей видимости, для формального приветствия было нужно пять воинов, и все считали, что, включив в группу Утеса и Цветику, они покажут, насколько серьезно их дело. А еще Нефрита сказала, что так в Изумрудных Сумерках дважды подумают, прежде чем заупрямиться и отказать им в приеме. Проигнорировать праотца и престарелую арбору-наставницу было куда более серьезным нарушением этикета.

– Так вы лишите их возможности отказать вам, – пояснила Жемчужина, все еще рассерженная, хотя она никуда и не летела. – Имейте в виду, что одно это может их разозлить.

Замечание было здравым, но Лун не думал, что это имело значение. Если другой двор будет изначально расположен к ним недружелюбно, то, что бы они ни сделали, станет только хуже. Он как раз собирался это сказать, когда Жемчужина прибавила:

– А еще вам нужно взять с собой консорта. Луну тоже придется полететь. – Судя по тону Жемчужины, эта перспектива ее совсем не радовала.

Вздрыгнув от неожиданности, Лун посмотрел на остальных, ожидая, что кто-нибудь начнет спорить. Вместо этого все лишь согласно кивнули. Кто-то согласился неохотно, но никто не возражал. Нефрита сказала:

– Но разве он уже достаточно оправился, чтобы вынести долгий перелет?

Цветика ответила:

– Должен был оправиться. Он молод, и его травмы хорошо зажили. А если что-нибудь случится, я буду рядом.

Однако Лун беспокоился вовсе не о своих травмах.

– А мы уверены, что это хорошая затея? – Он хотел полететь, хотя бы для того, чтобы увидеть исполинский терновник, но, судя по разговору, во время официального визита нужно было соблюдать множество сложных правил этикета. Существовала масса тонкостей, которых он не понимал даже здесь. Лун думал, что не готов к большому, густонаселенному двору. – Утес же и так летит.

Цветика пояснила:

– Утес – праотец рода. А они будут ждать, что Нефрита, будучи королевой-сестрой, приведет своего консорта. Королева-сестра и ее консорт необходимы для первой встречи со столь значимым двором, как Изумрудные Сумерки.

Набат мрачно сказал:

– А когда они спросят, из какого он двора, вы что ответите?

Вот и еще одна тонкость, которую Лун не понял. Он-то думал, что он из этого двора.

– Ты это о чем?

Нефрита ответила:

– Мы летим к ним с официальной делегацией. Если мы тебя представим, то нам придется озвучить твою родословную.

– Ой. – Да уж, будет неловко. Луну не хотелось всякий раз, когда они встречали кого-нибудь нового, оправдываться и доказывать, что он не обезумевший одиночка. – А придумать мы ее не можем?

Нефрита сердито посмотрела на него.

– Нет.

Тогда Лун придумал решение получше:

– Вы можете сказать, что я из Медного Неба. – Единственными выжившими из уничтоженного двора были Стужа, Шип и Горький, и их, наверное, можно было научить, чтобы они подтвердили эту историю, если кто-нибудь когда-нибудь спросит.

Утеса, похоже, заинтересовало это предложение, но Нефрита сказала:

– Лун, нет.

Последовала неловкая тишина.

Утес сказал:

– Значит, будем говорить так: «Это Лун, но мы не скажем, откуда он, так что можете считать, что он – дикий одиночка».

Нефрита кисло посмотрела на него.

– Или так: «А это Утес, наш чокнутый праотец, которого мы притащили с собой, чтобы он ругался со всеми подряд».

Жемчужина с мрачной решимостью обратилась к Луну:

– Тебе придется сказать им правду. Только не опозорь нас.

Лун сдержался, чтобы раздраженно не зашипеть.

– Я всю жизнь ходил по чужим лагерям и поселениям. Я знаю, как себя вести, – но, произнося эти слова, он подумал, что ему, скорее всего, еще придется о них пожалеть.

Позднее Лун и Нефрита сидели снаружи, на краю дупла, и смотрели, как под исполинскими деревьями сгущается ночь. Свет стал насыщенным, зеленовато-золотистым, и постепенно

мерк, пока где-то за деревьями садилось солнце. Маленькая стайка крошечных желтых летающих созданий резвилась в струе водопада. Когда одно из существ подлетело поближе, Лун с удивлением понял, что это – летающие лягушки. Таких он прежде не видел. На одной из платформ, примерно в сотне шагов внизу, арборы все еще ковырялись в грядках старых садов, разыскивая оставшиеся в земле корешки. Несколько юных воинов летали под верхними ветвями, игриво закладывая петли и пикируя вниз.

Нефрита сдавленно произнесла:

– Надеюсь, мы сможем здесь остаться.

Наверное, этим вечером все думали о том же. Утес, когда они отправлялись сюда, ничего им не обещал, и никто не ожидал, насколько чудесным окажется это место. Лун прислонился к ее плечу и сказал:

– У тебя здорово получилось убедить Жемчужину отправить тебя в Изумрудные Сумерки вместо нее.

Шипы Нефриты всколыхнулись, когда она пожала плечами.

– Она и не хотела никуда лететь. Жемчужина терпеть не может разговаривать с другими королевами. – Нефрита прибавила: – Думаю, с нами полетит Вьюн. Жемчужина ему доверяет, и, если мы его возьмем, то покажем остальному двору нашу сплоченность.

Лун подумал, что для этого было уже поздно. Каждый при дворе, у кого имелась хоть толика здравого смысла, видел, насколько натянуты отношения двух королей. Но он не возражал против того, чтобы взять Вьюна.

– А что насчет Елеи? Она уже бывала в других дворах. – Елея и Вьюн летали в Солнечный Ветер, безуспешно пытаясь попросить у другого двора помощи.

– Я хочу, чтобы она полетела с нами. Нам нужна воительница, которая станет говорить от нашего имени, когда мы прибудем на место. Из всех остальных только у Флоры есть опыт переговоров с другими дворами, но она близка с Жемчужиной. – Нефрита поежилась. – Я пыталась поговорить с Елеей, но у меня ничего не вышло. На кораблях было трудно это сделать – уединиться негде, и она отказывалась полететь со мной куда-либо еще.

Возможно, Елея все еще не хотела говорить о том, что с ней сделали Скверны. Лун понимал ее, как никто другой.

– Скажи ей, что тебе нужна ее помощь. Скажи, что это ее долг.

– Так она почувствует себя виноватой.

– Она уже чувствует себя виноватой. А так эта вина хотя бы послужит хорошему делу.

Нефрита еще немного поразмыслила, а затем кивнула.

– Спросить не повредит. Пойду найду ее.

Нефрита ушла внутрь, а Лун остался и стал смотреть, как угасает свет. Он как раз собирался уходить, когда сверху спикировал зеленый воин. Выгнув крылья на манер паруса, он приземлился на узкий уступ прямо под дуплом. Это был Поток.

Лун откинулся назад, на руки, нарочно принимая непринужденную позу.

– Соскучился по тумакам? – Он очень на это надеялся.

Поток с насмешкой в голосе сказал:

– Ты бы поостерегся лететь с ними, одиночка. Там большой двор и много свободных консортов.

Лун не выдал внезапно охватившую его тревогу.

– Ну и?

Поток подобрался чуть ближе, вцепившись когтями в кору.

– Нефрита никогда не была рядом со взрослым консортом не из ее рода. Все те, кто жил в соседних дворах, были либо уже заняты, либо слишком юны. Как думаешь, почему она согласилась подобрать тебя?

Лун резко подался вперед и вмиг перевоплотился. Но Поток оттолкнулся назад, спикировал вниз с уступа, извернулся в воздухе и пролетел под струей водопада.

Лун остановился, пытаясь уложить шипы. Гнаться за Потокom не было смысла. Лун же не мог убить его, когда поймают. Все остальные слишком сильно расстроятся.

Слова воина заделали его, потому что в них была правда. К тому времени, когда Нефрита достигла зрелости, Жемчужина уже выгнала всех консортов, рожденных Смолюю – ее сестрой, – и отправила их в другие дворы. Остальные консорты умерли от болезни или были убиты в сражениях с теми, кто нападал на колонию.

Утес сказал, что Лазурь выбрала его из всех, но у Нефриты выбора не было. Она могла принять Луну или никого, а двор не хотел переезжать, пока у нее не было консорта.

Он знал, что теперь Нефрита хотела остаться с ним, но его положение в Тумане Индиго было гораздо прочнее, пока он оставался единственным доступным консортом на расстоянии полета. Лун знал, что королевы могли принимать более одного консорта, а также заводить любовников среди воинов и арборов, но они не повлияли бы на его статус при дворе. И Лун думал, что пока он был с Нефритой, то все переживет. Однако теперь те члены двора, которые были недовольны, что их первым консортом стал одичалый бывший одиночка, получили возможность потребовать у Нефриты, чтобы она его заменила, а Лун этого не предвидел.

Лун повернулся и, негромко рыча, вошел в дупло, направившись по коридору в приемный зал. Теперь у него появилась еще одна причина тревожиться из-за предстоящего путешествия.

Глава 5

Они отправились в путь следующим утром на рассвете и полетели под кронами исполинских древ через висячий лес. Если бы Лун и Нефрита могли мчаться на полной скорости, то совершили бы перелет за три дня, а не за пять. Утес мог добраться туда еще быстрее, даже если бы нес с собой Цветику, однако все трое придерживались скорости воинов. Все согласились, что если они заявятся в незнакомый двор – особенно тот, который мог быть настроен недружелюбно, – без воинов, необходимых для официального приема, то потеряют больше времени, чем сэкономят. Так королевы Изумрудных Сумерек получают повод отложить разговор или вовсе отказаться встретиться с ними. Лун уже понял, что дворы раксур не видели причин изначально относиться друг к другу доброжелательно, и поэтому союзы между дворами, да и просто дружественные отношения, должны были следовать тщательно выверенным правилам.

Из воинов они взяли с собой Звона, Елею, Вьюна, Флору и Песню. По сравнению с остальными, Звон провел мало времени за стенами колонии, но после путешествия к Золотым островам и погони за кетелями по пустынным равнинам к улью двоев путешествие в другой двор его почти не пугало. Вьюна и Флору выбрала Жемчужина. Вьюн раньше уже посещал другие дворы, и иметь дело с ним было проще, чем с многими другими воинами, которых королева могла отправить с ними. Флору Лун почти не знал. В земном обличье у нее были медная кожа и красно-коричневые волосы, такие же как у многих окрыленных и арборов Тумана Индиго, и она, похоже, хорошо ладила с остальными. Песня была молода, но Нефрита доверяла ей, и она посещала Медное Небо, когда тот двор был ближайшим союзником Тумана Индиго. Лун всегда думал, что ее земной облик похож на облик Елеи, словно они были сестрами: у обеих была темная, теплого оттенка кожа и вьющиеся медового цвета волосы.

Лун не знал, как прошел разговор Нефриты и Елеи, но Елея явилась перед рассветом в приемный зал, готовая вылетать. Всякий раз, когда они останавливались передохнуть, воительница была напряжена и молчалива, но хотя бы Звон и Песня обращались с ней как всегда, словно ничего и не произошло. Лун надеялся, что от этого ей станет легче.

Перед самым рассветом, когда они были уже почти готовы вылетать, Лун спустился в ясли, чтобы повидать Горького, Шипа и Стужу. Почти все остальные малыши еще спали или только просыпались, так что Кора выгнала их в одну из маленьких комнат рядом с яслями, где они могли поговорить, не мешая остальным. Лун сказал птенцам, что ему придется улететь на время, и объяснил почему. Помня, как безразлично они отнеслись к тому, что им, возможно, придется покинуть древо, Лун думал, что они спокойно воспримут его уход. Он ошибался.

Шип сжался в колючий, расстроенный комок, отказываясь принять земной облик, а Горький лишь смотрел на Луну своими большими несчастными глазами. Стужа же закатила самую настоящую истерику: расправив крылья, она рычала, что он не имеет права уходить, и со злостью упрекала Нефриту в том, что она его забирает.

– Стужа, прекрати. – Лун видел, как земные обитатели шлепают своих детей, и не знал, получится ли так приструнить юную королеву раксур. Однако он был готов попробовать.

Должно быть, по нему это было заметно, потому что Стужа прервалась на полуслове, пристально посмотрела на него, а затем обиженно надулась. Она сказала:

– Мы не хотим, чтобы ты уходил. Кто будет о нас заботиться?

– Бубенчик, Кора и другие арборы. – Лун все равно не заботился о них по-настоящему, в отличие от учителей. Всю трудную работу выполняли они – кормили, умывали и воспитывали детей. На корабле, пока его спина и плечо заживали, он вообще не мог ничего делать, а лишь наблюдал, как они играют.

– Они не умеют драться, как ты, – сказал Шип. В крылатом облике его голос звучал глубже и с хрипотцой.

– Жемчужина останется здесь. – Жемчужина, конечно, была угрюмой и мрачной, но она могла разорвать владыку Сквернов на части, как соломенную куклу, и была готова без колебаний встать на защиту двора.

Горький наклонился к Шипу и что-то неслышно ему прошептал. Шип озвучил:

– Горький говорит: мы хотим, чтобы остался ты.

Эти слова тронули Луна до глубины души, и он нахмурился. Он даже не понимал, почему птенцы так к нему привязались. Он едва успел вывести их из улья двоев, прежде чем Ранея схватила его. Это Нефрита и Жемчужина спасли их всех. Но он был первым раксуром, которого они увидели после уничтожения Медного Неба и гибели всех, кого знали, после конца их мира.

– Я должен идти. Но, когда я вернусь, научу вас всех охотиться.

Горький моргнул. Гребни Шипа дернулись, и мальчишки переглянулись. Стужа подозрительно прищурилась и сказала:

– Горький еще не умеет летать. Он слишком маленький.

Скорбь начала учить Луна охотиться, когда он был еще так мал, что едва мог прыгать с ветки на ветку, и эта предосторожность позволила ему выжить после того, как ее убили.

– Он все равно может учиться.

Стужа поразмыслила над этим, пошущукалась с двумя консортами, а затем наконец неохотно согласилась.

– Ладно, лети. Но ненадолго.

Лун не позволил ей проводить себя и не стал давать обещаний о том, как скоро он вернется.

Благодаря живописным пейзажам путешествие прошло быстро. Разнообразие травоедов и хищников, живших на платформах исполинских древ, казалось нескончаемым. Лун видел древесных лягушек размером с него, с серо-зелеными пятнами, позволявшими им сливаться с корой; они прижимались к широким ветвям и задумчиво наблюдали, как мимо пролетают раксуромы. И сами деревья часто принимали причудливые очертания. Раксура пролетели мимо одного, покрытого гигантскими серыми узлами, каждый из которых в диаметре был не меньше «Валендеры». Другое было увешано похожими на ткань полотнами мха длиной в тысячи шагов. Ориентироваться в лесу было нетрудно – раксуромы всегда знали, в какой стороне юг. Звон однажды описал эту способность как естественную тягу к сердцу Трех Миров.

Больное плечо Луна ныло после первого дня полета, но с каждым днем боль уменьшалась, и он чувствовал, как мышцы растягиваются и снова набираются сил. Он подумал, что, видимо, быстрее исцелится в полете, чем если бы просто остался сидеть в колонии.

Чтобы отдохнуть и поспать, они останавливались на платформах или широких ветвях исполинских деревьев. Еще когда Лун и Утес вместе пересекали равнины, Лун заметил, что присутствие праотца отпугивало хищников, даже когда тот принимал земной облик, – и здесь Утес действовал на них так же.

Одну ночь они провели в углублении на одной из ветвей, и Лун, проснувшись, услышал сухой шорох – что-то большое уползло прочь. Он сел, выглянув из теплой свалки лежавших рядом тел, и увидел темный силуэт Песни – она дежурила над углублением – и Утеса, сидевшего рядом с ней. Песня чуть пригнулась, но не зашипела и не подняла тревогу. Утес, должно

быть, услышал, как Лун пошевелился, потому что слегка помотал головой, говоря ему, что все в порядке.

Звон, свернувшийся калачиком позади Луна, беспокойно прошептал:

– Что там?

– Ничего, – прошептал в ответ Лун и снова улегся.

Перед тем как покинуть колонию, все плотно поели, но от долгих ежедневных перелетов в них просыпался голод, и потому они ненадолго останавливались, чтобы поохотиться. На четвертый день Лун в охоте не участвовал, а вместе с Утесом, Нефритой и Цветикой наблюдал с верхних ветвей за тем, как воины подкрадываются к большому мохнатому травоеду на одной из нижних платформ. Утес сказал, что Изумрудные Сумерки уже достаточно близко и их разведчики могли за ними наблюдать. Так он дал Луну понять, что, хотя Нефриту и не заботило его необычное для консорта поведение, другой двор это заметит.

Нефрита рассказала ему все, что могла, о том, чего им следовало ожидать, но Лун все равно мог допустить массу ошибок и в большинстве случаев даже не понять, что допускает их. «Все может пойти наперекосяк, и виноват буду я». Мысль была не из приятных.

Ближе к вечеру пятого дня они вылетели на открытое пространство под пологом леса и впервые увидели исполинский терновник Изумрудных Сумерек.

Покрытые шипами ветви, толстые, как корпуса летучих кораблей, вздымались вверх и в стороны и сплетались в гигантский шар. Ветви, увитые лианами и цветами, были столь большими, что на многих из них проросли невысокие деревья, как в висячем лесу. Три воина пересекли открытое пространство, подлетев достаточно близко, чтобы рассмотреть чужаков, но не стали преграждать им путь.

К счастью, Утес, похоже, знал, как подлететь к колонии. Он безошибочно направился к большому кольцу из переплетенных лиан, которое, как оказалось, отмечало широкий разрыв в колючках. Утес замедлился, и они последовали за ним по зеленому туннелю.

Оказавшись внутри, они смогли разглядеть центральный ствол терновника, ошестинившийся ветвями и платформами – некоторые появились естественным образом на раскидистых ветвях, но многие были рукотворны. Самая большая находилась почти на середине высоты ствола, по-видимому указывая на главный вход. Здесь, внутри, летало еще больше воинов, а на платформах находились арборы – кто-то из них трудился в садах, а кто-то остановился, чтобы поглазеть на прибытие гостей. Этот двор был явно намного больше Тумана Индиго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.